

ТУР ХЕЙЕРДАА
Э К С П Е Д И Ц И Я
«ТИГРИС»

Тур Хейердал Экспедиция «Тигрис»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7640816

Экспедиция «Тигрис» / Тур Хейердал ; [пер. с норв. Л. Жданова]: Физкультура и спорт; Санкт-Петербург; 2014

ISBN 978-5-367-03360-1, 978-5-4357-0296-5

Аннотация

Экспедиция известного норвежского мореплавателя Тура Хейердала в 1977–1978 гг. на тростниковой лодке «Тигрис» и поныне вызывает дискуссии и споры. Члены международного экипажа этого судна собственным примером доказали, что между Месопотамией и индской цивилизацией могли существовать тесные контакты.

Содержание

Глава I	5
Глава II	23
Глава III	43
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Тур Хейердал Экспедиция «Тигрис»

Thor Heyerdahl

Tigris: Pe leting etter begynnelsen

Произведено по заказу издательства «Бертельсманн Медиа Москау» (БММ)

Copyright © Gyldendal Norsk Forlag AS 1979

Norwegian edition published by Gyldendal Norsk Forlag AS, Oslo

Published by agreement with Hagen Agency, Oslo and Gyldendal Norsk Forlag AS, Oslo

© Жданов Л. Л., наследники, перевод на русский язык, 2013

© Оформление. ЗАО «Торгово-издательский дом «Амфора», 2014

* * *

Глава I В поисках начал

Начало... Начало всех начал...

Это отсюда все пошло.

Здесь начиналась письменная история. Здесь родилась мифология. Здесь помещались истоки трех из числа самых могучих религий в истории человечества. Около двух миллиардов христиан, иудеев и мусульман во всех концах света узнают из своих священных книг, что именно это место выбрал их бог, чтобы даровать жизнь человечеству.

Две большие неторопливые реки сливаются здесь воедино, и место их встречи обозначено на всех картах мира. Однако на вид знаменитое слияние Тигра и Евфрата ничем не примечательно. Безмолвны, как сами реки, узкие шеренги финиковых пальм вдоль берегов. Солнце и луна хранят свои секреты, исправно навещая древний пустынный ландшафт и озаряя бликами дня и ночи тихие струи. Изредка проплывает лодка с людьми, забрасывающими рыболовные сети.

Здесь, полагает большинство человечества, находилась колыбель гомо сапиенс, находился утерянный рай.

Миновав последнюю зеленую полоску суши, разделяющую их, Тигр и Евфрат приветствуют друг друга плавными завихрениями и, соединясь, словно супруги, образуют великую реку Шатт-эль-Араб, которая тут же пропадает из виду за изгибом берега в пальмовой оторочке. На самом мысу между двумя потоками некогда была построена – а потом почти заброшена – маленькая гостиница. Три номера для постояльцев, широкий холл и еще более широкая терраса с видом на восход за рекой Тигр – вот и все здание. Но какое впечатляющее название начертано большими буквами над входом: «ГОСТИНИЦА „САДЫ ЭДЕМА“».

Впрочем, столь импозантное имя как будто оправданно, если принимать за истину то, что написано на висящей неподалеку доске. В нескольких десятках шагов от гостиницы, за лужайкой, достаточно широкой, чтобы на ней можно было строить небольшое судно, над рекой Тигр склонились два-три неказистых зеленых деревца. На земле между ними лежит толстая колода – остаток упавшего дерева неизвестной породы, однако удостоенный почестей в виде горящих свечей. Незатейливое святилище торжественно обнесено оградой. Иногда сюда приходят посидеть и предаться раздумьям старики из близлежащего городка Эль-Курны. Доска с текстом на английском языке, а также каменная плита с арабской вязью извещают редких прохожих, что здесь обитали Адам и Ева. И что будто бы сюда ходил молиться пророк Авраам. В самом деле, если верить Библии, то Авраам родился в Уре, а до Ура отсюда несколько часов езды.

Разумеется, на давно истлевших ветвях старого дерева не висели никакие яблоки. И вряд ли Авраам приходил поклониться сему отрадному уголку природы – ведь за последние тысячелетия уровень земли в здешних местах поднялся примерно на шесть метров, так что и течение рек изменилось. Тем не менее место встречи двух рек и весь этот край заслуживают почтительного раздумья. Здесь завязалось что-то важное для вас, для меня, для большинства людей земного шара.

Внеся свои вещи в гостиницу «Сады Эдема», я вышел на террасу посмотреть, как по воде расходятся бесшумные круги – следы охотящейся рыбы. В это время солнце за моей спиной, уйдя за горизонт, растянуло в небе красный занавес, и подкрашенное кровью зеркало реки Тигр отразило черные силуэты финиковых пальм на другом берегу. Сказочная атмосфера... А как же иначе! Ведь я прибыл на родину «Тысячи и одной ночи», «Волшебной лампы Аладдина», ковров-самолетов и Синдбада-Морехода. На этих берегах жили Али-

Баба и сорок разбойников. Ниже по течению эти струи омывают остров Синдбад, названный в честь величайшего сочинителя морских небылиц, героя арабских сказок. А начинается Тигр на склонах подпирающих небо гор Араратских, к которым, по иудейским преданиям, пристал со своим ковчегом знаменитейший судостроитель всех времен Ной. Недалеко от берегов Тигра скромные дощечки и поныне указывают путь к освященным веками городам-призракам, вроде Вавилона и Ниневи, чьи библейские стены упорно тянутся к небесам, стряхивая с себя пыль и кирпичную крошку. Реактивные лайнеры скользят над вечным городом Багдадом, где современные краны и здания запрудили пространство среди минаретов и золотых куполов.

Люди разных племен и постройки разных эпох естественно сочетаются в арабской республике, расположенной между Западом и Востоком и знакомой нам под названием «Ирак». Месопотамия – Страна между реками – выразительно наименовали завоеватели-греки этот край, но еще до того он сменил много имен, которые древний мир произносил с трепетом, благоговением и восхищением. Наиболее известные среди них – Шумер, затем Вавилония и Ассирия. Со времен пророка Мухаммеда здесь пролегают восточные рубежи арабского мира.

Где некогда зеленели тучные пастбища и орошаемые нивы, через бесплодную пустыню протянулись нефтепроводы с горючим, позволяющим исполнить любые желания не хуже лампы Аладдина. Над оскудевшей землей символами чередующихся цивилизаций возвышаются храмовые пирамиды, минареты и нефтяные вышки. Неподалеку от старого русла Евфрата, южнее Багдада, на полпути от столицы до Садов Эдема, дорога минует огромную бесформенную гряду битого кирпича. Установленный на этой гряде указатель вызывает в памяти классическую легенду о первой попытке человека строить выше, чем ему предназначено. Указатель гласит: «ВАВИЛОНСКАЯ БАШНЯ».

Дорога устремляется дальше в сторону полуденного солнца. Через безбрежную, бесплодную равнину с такими колоритными арабскими городишками, что кажется: вон там Синдбад сидит на приступке, а вон там среди люда на рыночной площади толкается Али-Баба, вы из былых владений могущественной Вавилонии попадаете в приморье, откуда все пошло, попадаете в Южный Ирак, известный в древности под именем Шумера.

Ровная, голая пустыня доходит до самого залива. Лишь в зоне паводка, где сливаются неторопливо два потока, простерлись обширные зеленые болота, кишасие птицей и рыбой. Здесь, посреди зарослей камыша и тростника, с незапамятных времен сохранилась совершенно уникальная община. Наверно, в жилах болотных жителей больше шумерской крови, чем у любого другого арабского племени. И кажется, что реки, берущие начало в Араратских горах, пройдя долгий путь через опаленные солнцем пределы бывшей Месопотамии, изливают через край свою радость от встречи с непокоренными временем болотными арабами. Словно изо всех потомков Ноя только эти люди были наделены даром вечной жизни, меж тем как одно за другим рушились кругом сменяющие друг друга могущественные государства.

Пустыня, осаждающая со всех сторон весеннюю зелень болот, поглотила древний народ шумеров. Мерцающие волны сухого песка захлестнули воздвигнутые в честь забытых ныне богов огромные храмовые пирамиды, погребли заброшенные города, правители которых обратились в прах. Некогда благодатная земля ныне стала миром безмолвия, безжизненным, как Северный полюс на холсте в картинной галерее. От края до края тянутся, будто заснеженные трещины во льдах, выемки оросительных систем и судоходных каналов. И ни капли воды в них, ни одного зеленого побега.

Перед вами кладбище целой цивилизации, древнейшего предка нашей собственной культуры. Если вам дороги наши истоки, вы не пройдете безучастно мимо того, что открыли под здешними песками детективы от археологии. Ибо в этом сокровенном мире смерти и праха слово человеческое продолжает призрачную жизнь, готовое вновь заговорить, как

только его исторгнут из объятий песков. Среди раскопанных дворцов и жилищ ученые обнаружили подлинные библиотеки – десятки тысяч глиняных плиток с выдавленными на них знаками древнейшей известной нам письменности. Первоначальное шумерское письмо было идеографическим, но идеограммы вскоре уступили место более простым для начертания клиновидным знакам.

В гробницах и храмах археологи находили также изумительнейшие изделия из золота и серебра, выполненные с таким вкусом и свидетельствующие о таком высоком уровне цивилизации, что в наши дни есть простодушные люди, допускающие, что исчезнувшие творцы этих предметов были пришельцами из космоса. Научные отчеты археологов крайне редко доходят до широких читательских кругов, зато двери издательств и телевидения были широко открыты для тех, кто шел туда со своими сочинениями о гостях из космоса, которые будто бы строили пирамиды и насаждали цивилизацию среди варварских аборигенов нашей планеты. Фантастические истории такого рода распространяются по всем странам с молниеносной скоростью, и это в наш век, когда земляне уже высаживались на Луне. Эти истории призваны утолить растущую жажду современного человека познать неизвестное: кто мы, от кого приходим, с чего все началось? Ученые бессильны противостоять глобальной лавине инопланетных решений этих общечеловеческих вопросов. Их серьезные и убедительные научные возражения не доходят до ушей широкой публики. Оттого и продолжают свое шествие развлекательные гипотезы о космических кораблях.

Что могли бы поведать нам первые шумеры, сумей мы воскресить их из мертвых? Ведь это они, если верить сочинителям, встречали цивилизованных пришельцев, а то и сами произошли от инопланетян.

Да только нет необходимости воскрешать шумеров, чтобы выслушать их свидетельские показания. Они не были лишены дара речи. До нас дошли их письменные свидетельства. Глиняные плитки запечатлели рассказ о том, откуда и как они явились. Корабли были, но не космические, а морские. Они пришли в залив под парусами, и древнейшие произведения шумерского искусства показывают нам, как выглядели суда, доставившие этих людей к берегам страны в междуречье, где они основали цивилизацию, влияние которой в последующие тысячелетия так или иначе сказалось во всех уголках нашей планеты.

Правда, письменные показания шумеров как будто заменяют одну загадку другой. Что это за страна Дильмун на востоке, откуда прибыли, по их словам, шумерские мореплаватели?

В поисках недостающего фрагмента огромной головоломки я вновь и вновь приезжал в Ирак, чтобы воочию ознакомиться с подлинными древними свидетельствами и почерпнуть практической мудрости у нынешних обитателей болотного края. Суть головоломки заключается в том, что начало истории неизвестно. На нынешнем уровне наших знаний все начинается с того, что откуда-то приплыли мореходы, представители развитой цивилизации. Но какое же это начало! Это продолжение – продолжение чего-то теряющегося во мгле. Может быть, начало все еще таится под слоем песка, как таилась шумерская цивилизация, которая оставалась неведомой для науки, пока ее не открыли в прошлом веке при раскопках в Южном Ираке? Или оно было погребено вулканическим извержением, как это случилось с великой средиземноморской цивилизацией на острове Санторин, о которой ничего не подозревали, пока не наткнулись на нее под пятнадцатиметровым пластом пепла? А может быть, ее поглотили покрывающие две трети нашей беспокойной планеты воды океана, как говорится в столь живучей легенде об Атлантиде?

Если верить шумерам (а кому, как не им, знать об этом?), их купцы-мореплаватели не раз возвращались в Дильмун. Выходит, в то время их родина не была погребена под вулканическим пеплом и не ушла под воду. И находилась она в пределах досягаемости для шумерских судов, выходивших из шумерских портов. Один из недостающих фрагментов великой головоломки как раз в том и заключается, что никто не знает, как далеко могли

ходить шумерские суда. Их мореходные качества были забыты, как были забыты сами древние судостроители и мореплаватели, и на поверхности моря не осталось никаких следов. Тот, кто занимается практическим исследованием древнейших судов, идет по непроторенным путям. Непроторенные пути приводили меня на уединенные острова Полинезии, к озерам в Андах и Центральной Африке, к берегам и рекам разных континентов. Наконец они привели меня на территорию бывшего Шумера, где в наши дни обитают болотные арабы. Здесь начались мои поиски истоков человеческой истории до известной нам точки отсчета. И здесь же началось путешествие, которое увело меня и моих товарищей далеко от дней и маршрутов действительных космонавтов. Мы возвратились в те давние дни и ночи, когда наша планета была неизмеримо больше. Когда она была так велика, что за горизонтом в любой стороне таились неизвестные, неожиданные, непривычные миры. Миры с немыслимыми растениями и животными. Люди, постройки, обычаи настолько отличные от всего известного, будто они возникли и развились на другой планете, под другим солнцем. В прошлом такие миры существовали бок о бок, разделенные барьерами глухих дебрей, но связанные вольными просторами морей. Морские пути между ними были освоены до того, как будущие шумеры поселились в Шумере. Глиняные плитки повествуют о ходивших в заморские страны царях и купцах, перечисляют длинный ряд товаров, которые ввозились или вывозились в иноземные порты. Сохранились рассказы о кораблекрушениях и других бедствиях на море. Ведь опасности – неизбежный спутник морских предприятий, пусть даже в строительство судна вложен опыт целого народа и команда знает свое дело. Читаешь плитки, и драма оживает...

– Все наверх!

Сколько раз тревожные, отчаянные возгласы тонули в рокоте прибоя или в реве яростного океана, вознамерившегося поглотить крохотное суденышко, борющееся с внезапным штормом...

– Все наверх!

Я проснулся и понял, что призыв обращен ко мне. Ко мне и к моим товарищам, которые спали рядом со мной в тесной бамбуковой рубке. Грохот наполнял ночную тьму. Вот она, явь. Меня подбрасывало так сильно, что во сне мне чудилось, будто я еду в машине с квадратными колесами. На самом деле я судорожно цеплялся за бамбуковую стойку, прижимаясь к необычному ложу, и лицо мое орошали струйки воды.

Аварийное положение! Надо выходить.

– Выходи! – крикнул я, отбрасывая пятками спальный мешок.

Кто-то с фонариком в руках уже карабкался по моим ногам к узкому выходу.

Одеваться некогда. Обвязался страховочным концом – и пошел. Сейчас каждый человек нужен. Это не дурной сон, а суровая явь. Среди ночи нас неожиданно настиг шторм. Ветер и качка не давали выпрямиться в рост. Дождь и соленые брызги хлестали кожу. Мы передвигались вслепую от штага к штагу, цеплялись за бамбуковую стенку, нащупывая фонариками парус и снасти, на которые легла непосильная нагрузка.

– Всем привязаться! – скомандовал я.

Буйная волна подбросила наше суденышко, и оно подпрыгнуло, будто антилопа. Стихии разбушевались. Жутко было слушать, как ревут волны и жалобно скрипит дерево. Ветер свистел в снастях и в щелях бамбуковой рубки. Керосиновые фонари потухли, и лишь один болтался на кончике мачты обезумевшим светлячком, бессильный хоть сколько-нибудь осветить палубу.

– Пусть Норман зарифит парус!

Это Юрий, держа рулевое весло, кричит взбравшемуся на рубку Карло. Команды, вопросы, сердитые возгласы на многих языках пропадали в гуле и рокоте, не доходя до ушей того, кому предназначались. Вот откуда-то донесся тревожный голос нашего штурмана Нормана. Впрочем, мы все и без слов понимали, что снасти под угрозой.

Мачта – вот наша ахиллесова пята. Парус, хоть бы и лопнул, можно починить. А двуногая мачта опирается на деревянные колодки, которые закреплены найтовыми за камышовые связки. Стоит порваться веревкам или камышу, и все наши снасти вместе с парусом и мачтой унесет ветром.

Мы дружно повисли на вантах и штагах, чтобы прижать оба шпора к колодкам и спустить обезумевший грот. Внезапно над головой у нас словно прозвучал выстрел, затем жуткий треск. Судно накренилось, наклонились снасти, за которые мы держались, и я поспешил включить свой фонарик, пытаясь рассмотреть, что произошло там наверху.

Толстая стенга разлетелась в щепки. Основной обломок болтался перед гротом, грозя распороть остроконечным изломом парус, который бился и метался на ветру, будто воздушный змей, заставляя судно все сильнее крениться на правый борт. Стремительная волна поймала угол паруса и отказывалась его выпустить. Все свободные члены команды объединили свои усилия, чтобы вырвать парусину из хватки океана. Мы приготовились к самому худшему. Обычное судно в таком положении должно было либо вот-вот опрокинуться, либо дать течь.

Но наше судно не было обычным в глазах современного мореплавателя. На таких судах некогда ходили древние шумеры. Нынешние ученые пришли к выводу, что эта конструкция годилась только для рек.

Пользуясь тем, что океан не отпускает наш грот, волна за волной с ревом обрушивались на неуправляемую ладью. Да, тут всякое может произойти, но в любом случае мы получим ответ на один из вопросов, во имя которых затеян эксперимент: каковы мореходные качества такого судна доевропейского типа? Мы для того и вышли в море, чтобы учиться, на собственной шкуре познать, какие лишения, радости и практические проблемы подстерегали шумеров. Вспомнился сухой и теплый клочок суши среди прочно вросших в землю финиковых пальм в Садах Эдема. Стал бы я выходить в плавание, если бы знал наперед, что нас ожидает? Думаю, да, стал бы. Думаю, все мы отдавали себе отчет в том, что, выходя в море на совершенно незнакомом судне, чьи качества неизвестны, надо быть готовыми к трудностям и к лишениям.

В третий раз вышел я в океан на камышовом судне, но впервые плавание было задумано не как пассивный дрейф по воле стихий. На этот раз мы не могли рассчитывать на то, что некий морской конвейер автоматически доставит нас к месту назначения. Тем не менее опыт плаваний на папирусной ладье египетского типа был для нас большим подспорьем. Судя по всему, древнейшие конструкции шумеров и египтян восходили к общим образцам. Недаром ученые заметили, что старейшая идеограмма для понятия «корабль» в Шумере совпадает со знаком египетских иероглифов, обозначающим понятие «морской»¹. Она изображает серповидное камышовое судно с поперечными найтовыми, причем камыш топорщится пучками на носу и на корме. Может быть, первые писцы в обеих странах восприняли элементы некогда общей письменности? Или – еще проще – оба народа унаследовали один тип судна?

Художники эпохи фараонов изобразили папирусные ладьи Древнего Египта настолько подробно, что я смог полностью воспроизвести всю конструкцию, включая такелаж и рулевое устройство, когда строил «Ра I» и «Ра II» для испытания в открытом океане. На месопотамских изображениях таких деталей нет, хотя на хранящейся в Британском музее каменной стеле из царского дворца в Ниневии показана рельефом реалистическая картина боя между ассирийцами и вавилонянами на камышовых судах. И суда были достаточно большие: двойные ряды ассирийских воинов, ворвавшись на палубу, расправляются с противником, выбрасывая мужчин и женщин за борт к рыбам и крабам. Ниневийские рельефы убедительно сви-

¹ Amlet P. La Glyptique Mesopotamienne Archaïque. Paris, 1961.

детельствуют о том, что камышовые суда Двуречья строились так же, как папирусные на Ниле.

Преобладающий мотив миниатюрных изображений на цилиндрических печатях Месопотамии – камышовые суда, на которых плавали легендарные герои, освоители новых земель. Эти суда во всем основном тождественны тем, что изображены более подробно в искусстве Ниневии и Египта.

Правда, есть одно существенное отличие. Египетские строители пользовались папирусом. В прошлом папирус рос в изобилии на берегах Нила от истоков до самой дельты. У шумеров не было папируса. Вместо этого болота Месопотамии поставляли им стебли высокого пресноводного камыша², который здесь называют берди.

После двух экспериментов с ладьями египетского типа в 1969 и 1970 годах я убедился, что правильно построенное папирусное судно могло пересечь океан. Ладья «Ра I», связанная мастерами из центральноафриканского племени будума, проплыла почти через всю Атлантику, когда начали рваться найтовы. Год спустя на связанной южноамериканскими индейцами племени аймара ладье «Ра II» мы прошли до конца путь от Африки до Америки. Но берди заметно отличается от папируса как по внешнему виду, так и по структуре. И что главное, наука утверждала, будто бы берди жадно впитывает воду. Правда, в наше время только один ученый, финн Армас Салонен, серьезно занимался судами Древней Месопотамии.

В его скрупулезном исследовании разных судов Двуречья почти ничего не сказано про элп урбати – камышовые ладьи, есть только ссылка на господствующее убеждение, что они быстро пропитывались водой «и после употребления их, несомненно, приходилось вытаскивать на берег для просушки»³.

То же самое говорят и остальные, весьма немногочисленные, источники по этому предмету. Стало быть, шумерские камышовые суда могли ходить только по рекам.

Но как согласовать современный вердикт с древними текстами и изображениями? Именно этот вопрос и привел меня в гостиницу «Сады Эдема». Я приехал на земли Древнего Шумера, чтобы попытаться разрешить теоретическое противоречие практическим экспериментом. Проверить, как долго сохраняет плавучесть ладья из берди, и попробовать пройти описанными на глиняных плитках маршрутами в Дильмун, Макан, Мелухху и другие таинственные и давно забытые страны.

К древу Адама меня привела чистая случайность. Среди болот и на речных берегах я искал надежное и удобное место для строительства и спуска на воду камышовой ладьи. Ближе к Аравийскому заливу все пригодные участки были заняты современными городами и промышленными предприятиями; выше по течению – свои препятствия: топи, трясины, фиговые плантации, крутые обрывы. И тут представители иракского Министерства информации показали мне свободную лужайку возле Адамова древа и любезно предложили разместить членов экспедиции в гостинице «Сады Эдема». В нескольких минутах хода от гостиницы начинались обширные камышовые заросли, и река позволяла чуть ли не от самой террасы спуститься в открытое море. Лучшего решения не могла бы предложить мне даже лампа Аладдина.

Меня настоятельно предупреждали, что Ирак сейчас не самая подходящая страна для такого дела, как экспедиция. Дескать, республика еще бурлит после недавно обретенной независимости от Великобритании. Два действующих багдадских отеля были переполнены представителями делового мира и инженерами из всех промышленных стран Востока и

² По срезу стебля, доставленного в нашу страну со строительства «Тигриса», специалисты определили это растение как рогоз узколистный (*Typha angustifolia*), который в обиходе принято называть камышом. Это обиходное название и употребляется в переводе, как более удобное для словообразования (камышовый, например), чем рогоз. – *Примеч. ред.*

³ Salonen A. Die Wasserfahrzeuge in Babylonien. Ed. K. Tallquist. Studia Orientalia edidit Societas Orientalis Fennica, 1969. Vol. VIII, 4. S. 70.

Запада. Чувствовалось общее стремление вернуть зрелые плоды современной цивилизации на выжженную солнцем землю, где некогда проросли первые семена. Если прежде артериями страны были оросительные каналы, то в нынешнем Ираке эту роль играют нефтепроводы.

Молодая республика и впрямь переживала пору бурного развития, в которой будущему придавалось куда больше значения, чем прошлому. Тем не менее видные ученые при Национальном музее в Багдаде великолепно понимали, что основательное знание прошлого помогает лучше планировать будущее. Может ли человек судить, куда он идет, не видя своих следов и не зная, откуда пришел? Нет ничего абсолютно нового под луной, и если мы не настроены учиться на собственных ошибках, есть смысл почерпнуть урок из ошибок других.

Доктор Фуад Сафар собрал своих сотрудников и коллег в Национальном музее с его прекрасной библиотекой, и вместе мы обсудили мой проект.

Промазывали ли шумеры свои камышовые суда битумом для плавучести и водонепроницаемости? К их услугам были естественные выходы асфальта под Уром и выше по течению Евфрата, и они обмазывали им сосуды и кровли.

На полках музея лежали также покрытые слоем асфальта пятитысячелетние модели камышовых лодок.

А может быть, учитывая большой вес асфальта, они промазывали крупные суда акульным жиром, как это в наши дни делают со своими дощатыми лодками многие рыбаки в заливе? На одной древней плитке записан рассказ о знаменитом герое, который, построив большой камышовый корабль, смешал шесть частей дегтя, три части асфальта и три части масла. Может быть, эта смесь предназначалась для обмазки корпуса?

Где находилась страна предков Дильмун, куда так часто ходили шумерские купцы-мореплаватели? Большинство ученых полагают, что речь идет об острове Бахрейн, где в ходе недавних раскопок обнаружены настоящие города, храмы и могильники, причем некоторые находки превосходят древностью шумерские. Но Бахрейн лежит далеко в Аравийском заливе, так, может быть, вернее искать Дильмун на небольшом острове Файлака, расположенном вблизи от шумерских берегов?

После совещания я вышел из музея обогащенный сведениями, но и порядком озадаченный. Так чем же пропитать свою камышовую ладью? И пропитывать ли вообще? Неделями штудировав музейные экспонаты и многочисленные тома с переводом клинописных текстов на плитках, я исписал не один блокнот фактами и гипотезами. Одно не вызывало сомнения: древние шумеры были судостроителями и мореплавателями. Их цивилизация базировалась на ввозе меди, леса и другого сырья, и держава в устье двух рек была обязана своим могуществом тому, что такие города, как Ур и Урук, были крупными портами и центрами оживленной торговли. Но по соседству не было меди или другой основы для подобной торговли; стало быть, шумерские моряки ходили в далекие страны.

Только моделирование могло дать ответ. Я решил осуществить свой замысел, и работники музея сумели убедить ведающее ими министерство, что реконструкция древнего судна – дело вполне целесообразное. После чего мне разрешили заготовить камыш на болотах, беспощадно ввезти необходимое снаряжение и собрать в Ираке команду из представителей разных наций, причем мы будем считаться гостями страны вплоть до старта экспедиции.

Не теряя времени, я поспешил вернуться в болотный край. Национальный музей выделил мне переводчика.

...Выйдя из гостиницы «Сады Эдема», мы пересекли город Эль-Курна, через который проходит не ведающая отдыха автомагистраль. Какие там верблюды – тут даже велосипеда не увидишь! Огромные фургоны, автоцистерны и военные грузовики катили сплошной чередой вдоль 650-километрового шоссе, соединяющего Багдад с портами на берегу залива. Сразу за шоссе начинаются болота, на много километров простирается совершенно особен-

ный, ни на что не похожий мир. Более пятнадцати тысяч квадратных километров занимает болотный край.

У первого протока нас поджидали два высоких араба в широких халатах; у каждого было в руках по длинному шесту, а один придерживал босой ступней длинную черную лодку. Поприветствовав нас, они знаком предложили нам занять места в их суденышке. Это была обычная машхуф – длинная, стройная плоскодонка стандартного типа, какие строят себе все болотные арабы в наши дни. Раньше лодки вязали из местного камыша, теперь собирают из привозных досок и покрывают, подобно камышовым прототипам, слоем черного асфальта. Нос и корма загнуты высоко вверх, как у ходивших здесь пять тысяч лет назад шумерских конструкций.

Я сел на подушку, лежащую на дне валкого суденышка. Стройные арабы, стоя в разных концах лодки, принялись ловко работать шестами, плавно и неторопливо отталкиваясь ими от грунта. Вода была мелкая, кристально чистая, я видел водоросли, рыб, на поверхности качались длинные гилянды вороньей лапы. Бесшумно удаляясь от зеленой дернины, мы очутились между двумя высокими стенами из тростника и камыша. Окружив нас со всех сторон, водные растения замкнули за лодкой зеленую дверь, и мы покинули шумную, беспокойную планету наших дней – словно отправились в прошлое со скоростью космического корабля. Право же, у меня было такое чувство, будто с каждым толчком шеста в руках молчаливого болотного жителя я углубляюсь в былые времена и ждет нас там не чреватая опасностями дикость, а культура столь же далекая от варварства, как наша собственная, но вместе с тем удивительно простая и бесхитростная. Мой переводчик из Министерства информации не бывал здесь раньше, и первая встреча с плавучими селениями восхитила его не меньше, чем меня.

Когда я пять лет назад впервые приехал в Ирак, чувствовалось, что багдадским властям не очень по душе мой интерес к этому району. Не потому, что его обитателей считали опасными, – просто они не поспевали за современным развитием страны. Соседи несколько пренебрежительно называли болотных арабов маданами – буйволятниками, противопоставляя их верблюжатникам, или, вернее, автомобилистам (ведь верблюды теперь тоже вышли из моды...).

Водоемы в краю болот слишком глубоки, чтобы применять колесный транспорт, и слишком мелки для обычных судов. Трясины непроходимы для копей и верблюдов, да любой чужак и пешком тотчас заблудится в камышовой чаще. Только сами маданы безошибочно ориентируются в лабиринте мелких протоков среди болотных джунглей, потому им предоставили жить своей жизнью, не гнаться за прогрессом. Однако восторженные рассказы английских исследователей Уилфреда Тесиджера, Гевина Янга и немногих других, включая меня, проникших в дебри болотного края, повлияли на позицию Багдада. В этот раз мне даже охотно разрешили пользоваться кинокамерой и привлечь сколько угодно маданов к строительству камышового судна на лужайке рядом с гостиницей.

Лишь редкие столбики дыма выдавали присутствие людей в царстве болот. Нигде не видно никаких следов деятельности человека. Пока не подъедешь вплотную к поселению, и не заметишь его. Ни бугорка тебе, ни камня, с которого можно было бы окинуть взглядом местность поверх высоких камышей над пружинистой, как матрац, трясинной. Гусей, уток и прочих водоплавающих всевозможного рода и цвета такое обилие, словно человек еще не изобрел огнестрельного оружия. Высоко в небе парит орел, гнездящийся где-то на окрестных берегах, а среди зарослей, особенно в перелетную пору, качаются на стеблях зимородки и полчища щеголяющих ярким оперением мелких пичуг. Точно часовые, стоят в камышах длинноногие белые цапли и красноклювые аисты; упитанные пеликаны вычерпывают рыбу своими огромными клювами-ведрами.

Повезет – заметите косматого черного кабана, тяжелыми прыжками прокладывающего себе путь в гуще упругих стеблей. А уже возле самых селений увидите неторопливо бредущего по воде или взбирающегося на дернину огромного буйвола. Могучая черная спина великана лоснится на солнце, точно влажная кожа тюленя. При виде нас буйволы останавливались и провожали гостей добродушными коровьими глазами, терпеливо сгоняя мух со спины взмахами широких ушей и тонкого хвоста и спокойно дожевывая свисающий изо рта зеленый побег.

Но вот и селение вдруг перед вами. Какое откровение! Какое совершенное согласие с природой! Сводчатые камышовые дома сливаются с окружающей средой, как сливаются птичьи гнезда в камышах. Есть совсем маленькие домики, почти шалаши, однако преобладают просторные постройки. Издали их не видно по той простой причине, что вы приближаетесь к ним вдоль сплошной зеленой завесы. Самые высокие дома хочется сравнить с ангаром: степы и крыша образуют правильный свод, вход в жилище – с открытого торца. Иногда оба торца открыты, и получается подобие туннеля. Здешние строители обходятся совсем без железа и дерева. Каркас из камышовых дуг кроют циновками, привязывая их тростниковым волокном.

Совершенство конструкции и красота линий поразительны; каждое жилище напоминает маленький храм с роскошным золотисто-серым куполом на фоне вечно голубого неба свода пустынь. И в таком же голубом водном зеркале купается их опрокинутое отражение...

Это – подлинная шумерская архитектура. В таких домах обитал трудолюбивый народ, даровавший нашим предкам искусство письма. В городах стены выкладывали из долговечного кирпича, но в болотном краю строили камышовые жилища. Мы видим их реалистичные изображения пятитысячелетней давности на камне и на шумерских печатях; и так же точно контуры современных лодок повторяют обводы маленьких жертвенных моделей из серебра или из камыша с асфальтовой обмазкой, которые находят в шумерских храмах археологи. Обе конструкции доказали, что они как нельзя лучше приспособлены к здешней среде и к местным нуждам.

Когда мы выпрыгнули из лодки на сушу, она закачалась у нас под ногами, словно гамак. От неожиданности мой спутник, чтобы не упасть, схватил меня за руку. Несколько шагов к туннелеподобному дому – и опора под ногами стала толще и надежнее. В знак приветствия мужчина средних лет пожал мне руку двумя руками, потом поднес ладонь к сердцу:

– Салям алейкум! (Мир с вами!)

Я возвратился к друзьям... Пять лет назад я познакомился здесь со старым арабом, который произвел на меня неизгладимое впечатление. Сейчас меня встретил его сын.

– Друг, как поживаешь? Как твоя семья?

– Слава богу. А ты? Твои дети? Твой отец?

– Отец жив, слава богу. Только он теперь в больнице в Басре. Ему ведь больше ста лет.

Я огорчился. В каком-то смысле я именно из-за этого старца вернулся в болотный край. В прохладной тени камышового туннеля показался другой старик с длинной седой бородой, и мы, как того требует арабский обычай, дружно продолжали осведомляться о здоровье всех родичей, воздавая хвалу Аллаху за его великодушие к нашим домочадцам. Сбросив обувь, мы опустились на чистые ковры и погрузились, опять же по обычаю, в учтивое молчание. Хозяева сидели поджав ноги, прикрытые полами широких халатов; гостям подложили цветастые подушки, чтобы можно было удобно прислониться к мягкой камышовой стене.

Я с удовольствием обозревал знакомое просторное помещение; дом для гостей принадлежал тому самому столетнему арабу, которого увезли в больницу. Потолок высокий – шестом не достать. Плотная обшивка из плетеных циновок покоилась на изогнутых дугой параллельных ребрах – семи камышовых бунтах толще человеческого туловища. Мне вспомнилась библейская притча про Иону во чреве кита; только в этом случае в оба конца

открывались широкие пасти с двойным видом на чистейшее лазурное небо, голубую воду, зеленый камыш и несколько бахромчатых финиковых пальм.

Финиковые пальмы – редкость в краю маданов. Большинство селений стоит на искусственных островах из вековых наслоений гниющего камыша и буйволового навоза. Острова, как правило, плавучие, на грунт ложатся только в засушливый сезон. Ежегодно сверху настилают свежий камыш взамен истлевших нижних слоев. Чтобы медленно текущие струи не размывали кромку, ее защищают сплошным забором из воткнутых в илистое дно стеблей камыша. Острова с домами то поднимаются, то опускаются вместе с водой, а разделяющие их протоки позволяют осуществлять сообщение внутри поселка на узких лодках – совсем как в Венеции.

Пройдя пешком три-четыре шага, болотный араб, как правило, должен садиться в лодку. Некоторые острова настолько малы, что вместе с жилым строением или с хлевом для буйволов напоминают плавучий дом или Ноев ковчег, окаймленный узенькой пешеходной дорожкой. Обитающие на озерах в сердце болотного края семьи маданов вместе со своими утками, курами, буйволами и лодками качаются вверх-вниз на пружинистых камышовых коврах, и по утрам, когда открываются плетеные калитки сводчатых камышовых хлевов, буйволы погружаются в воду и плывут, разгоняя уток, к своим пастбищам.

Наш хозяин, закутанный в халат, помешал угли маленького костра на глиняном пяточке посреди пола. Из изящного чайника по маленьким стаканам в серебряных подстаканниках разлили чай, и наших ноздрей коснулся ароматный пар. Один за другим тихо входили арабы в длинных одеяниях, оставляющих открытыми только румяные лица, приветствовали нас и рассаживались в тени у камышовых колонн.

– Берди полагается срезать в августе.

Старик нарушил молчание словами, которые мне снова и снова повторяли в краю болотных арабов.

– Почему? – чуть не в сотый раз спросил я, хотя давно уже знал ответ.

Камыш, заготовленный в любом другом месяце, впитывает воду и теряет плавучесть. Только августовский берди долго держится на воде. Кто говорил – год, кто – два, три, даже четыре года. Но почему все-таки именно августовский? А кто его знает, отвечали мне чаще всего, так уж заведено.

– В августе внутри стебля есть что-то такое, что не пускает воду, – продолжал старик. – Вот тогда и полагается заготавливать камыш, потом мы сушим его две-три недели, прежде чем пускать в дело.

Впервые мне сказали об этом на берегу Шатт-эль-Араба, в селении Кармат-Али, расположенном между краем болот и Аравийским заливом. Приехав в Ирак после двух экспериментов с папирусным судном египетского типа, я тогда был поражен зрелищем полудюжины огромных камышовых плотов, причаленных к берегу и напоминающих плавучие пирсы. Один из них я измерил: тридцать четыре метра в длину, пять в ширину и три в толщину. Его осадка составляла около метра. Болотный араб по имени Матуг, обитавший в тростниковом шалаше на этом плоту, угостил меня чаем. Глиняный пяточок очага предохранял плот от загорания; стебли сухого камыша служили топливом. На мой вопрос, давно ли он живет на плоту, Матуг ответил, что поселился на этом гаре всего два месяца назад. Один месяц ушел на то, чтобы сплавить его сюда из Сбэба в болотном краю. И на сколько же возросла осадка за все это время? Нисколько не возросла. Матуг заготовил камыш в августе. Сюда он приплыл, чтобы продать свой гаре маленькой фабрике, которая прессует из камыша изолирующие плиты для современных домов.

Два месяца! Наша папирусная «Ра» уже через месяц пропиталась водой настолько, что палуба оказалась вровень с морем и волны захлестывали лежащий на ней груз. Матуг доба-

вил, что в прошлом году он девять месяцев просидел на горе, пока фабрика смогла принять его товар.

Мысль о непотопляемых горе не давала мне покоя. Папирус для «Ра I» и «Ра II» срезали в декабре – с таким расчетом, чтобы ладьи были готовы к отплытию весной. Почему же опытные лодочные мастера из племени будума на озере Чад не сказали мне, что мы неправильно выбрали время для заготовки строительного материала? И почему эфиопские монахи, которые заготавливали для меня папирус на озере Тана, уверяли, что месяц не играет никакой роли? Очень просто: африканские лодки на Чаде и Тана просто не успевали намокнуть, они находились в воде от силы день-другой, после чего их вытаскивали на берег, тогда как иракские маданы всю жизнь проводили на островах из камыша.

Словом, в первый же мой приезд в Ирак я тотчас понял, что у болотных арабов можно почерпнуть знания, которых не даст мне никакой институт и никакая ученая книга. На полицейской машине я добрался до Эль-Курны, где встречаются Тигр и Евфрат; здесь по разбитому проселку местный шериф довез меня до переправы, за которой находится крупное селение Мадина, построенное на отложенном Евфратом прочном песчаном грунте в глубине болотного края, в двадцати пяти километрах от шоссе. Шейх Мадины пригласил меня к себе и угостил незабываемым завтраком. Кофе, чай, молоко, йогурт, яйца, телятина, цыплята, рыба, инжир, финики, арабские лепешки, белый хлеб, печенья, компоты... С великим трудом добрался до берега и втиснулся в узкую машхуф, которая должна была повезти меня еще дальше, в Умм-эль-Шуэх. Достойные жители Мадины были рады поделиться со мной всем, чем они располагали, однако у них не было самого главного, зачем я приехал: сведений о камышовых судах. Все они были знакомы с горе, какие я сам видел ниже по течению, но ведь горе всего-навсего уложенные крест-накрест снопы берди для доставки на фабрику. Что до лодок, то они знали только разновидности деревянной машхуф: тарада, матаур и заима, которые обмазывают асфальтом, а также более широкую балям, предназначенную для перевозки камыша и циновок. Камышовые суда остались в прошлом, и только самые древние старцы могли мне что-то поведать о них.

Вот шейх Мадины и посоветовал мне отправиться в Умм-эль-Шуэх, к старейшему из местных жителей (ему уже перевалило за сто лет) – вождю Хаги Суэлему.

Я не очень-то надеялся на память человека столь преклонного возраста, и картина, увиденная мной, когда расступился камышовый занавес и лодка бесшумно пристала к плавающему острову, не прибавила мне оптимизма. Отражаясь вверх ногами в водном зеркале, у входа в свой камышовый ангар сидел облаченный в белый халат седобородый старец, этакое воплощение Мафусаила. Но вот он поднялся, приветствуя гостя, устремил на меня живые дружелюбные глаза и сразу стал высоким и сильным. Соплеменники, которые один за другим входили в его дом и рассаживались вдоль стен, с явным почтением смотрели на старого Хаги, вместе со мной внимательно и одобрительно слушая его исполненные юмора мудрые речи. Вскоре у тлеющего очага появился поднос с чайным прибором; тут же пеклась поставленная на ребро, распластанная наподобие огромной бабочки рыба. Белая и сочная под хрустящей корочкой, да еще завернутая в свежую, с пылу, с жару лепешку, рыба оказалась такой вкусной, что я уплетал за обе щеки, словно и не было завтрака у шейха. Хозяин заботливо следил за тем, чтобы мой сосед отбирал самые лакомые куски и потчевал меня ими, словно какого-нибудь царственного отпрыска. Согласно обычаю, до и после еды служитель подавал каждому полотенце и мыло и сливал на руки горячую воду над тазиком.

Хаги извинился за скромную трапезу (как будто не видел, с каким аппетитом я ел!) и обещал приготовить настоящее угощение, если я приеду снова. Конечно приеду! Мне доводилось жить среди так называемых примитивных народов Полинезии, Америки и Африки, но болотных арабов нельзя было даже условно назвать примитивными. Цивилизованные люди, только их цивилизация отлична от нашей. Они обходятся без кнопочного сервиса;

к пище и к радостям жизни идут кратчайшим путем. Их культура доказала свою добротность и жизнеспособность, продолжая существовать, меж тем как рушились, пройдя полосу развития и расцвета, ассирийская, персидская, греческая и римская цивилизации. Этой многовековой стабильности сопутствует то, чего нет у нас: уважение к предкам и уверенность в будущем. Нам кажется, что наша цивилизация превосходит все остальные; во всяком случае, мы рассчитываем, что так будет завтра на основе достижений, накопленных многими поколениями. А что же на деле? Мы совершенствуем, строим, изобретаем, но чем больше новых благ, тем больше проблем, и в наши дни они достигают непредвиденных масштабов. Стрессы, молодежная преступность, гонка вооружений, загрязнение воздуха, почвы, воды, истощение ресурсов, инфляция, политический террор, перенаселенность, растущая пропасть между перекормленными и недоедающими. Наиболее развитые страны начинают понимать, что будущим поколениям грозят серьезнейшие неприятности, если все эти проблемы не будут решены в кратчайший срок. Наша цивилизация еще не может служить примером стабильности, хотя мы напридумали столько благ и вещей, без которых не можем обходиться, что с жалостью смотрим на людей, не воспринявших наш образ жизни, единственно правильный и достойный в наших глазах.

– Мы не бедны, – произнес старик Хаги, словно читая мои мысли. – Наша гордость – вот наше достояние, и ни один из болотных арабов не голодает.

Ему довелось однажды попасть в Багдад – так он не чаял, как поскорее вернуться домой, в благословенный Аллахом тихий, надежный болотный край. Город он представлял себе как рассадник алчности, соперничества, зависти и воровства. В болотном краю воровства не знают. Слава богу, у каждого есть все необходимое, и никто не трясется над своим достоянием. Есть вдоволь корма для буйволов, вдоволь рыбы и дичи; понадобилась мука и чай – отвез в Мадину лодку арбузов или камышовых циновок. Здешние женщины – мудрый старец даже поднял руку – прекрасны, у него самого четыре жены. Сидящие вдоль стен одобрительным смехом приветствовали его слова.

Женщины болотного края и впрямь были хороши собой. Вероятно, поэтому им не разрешалось есть вместе с нами, даже подавать нам чай. Закутанные с головы до босых ног в черные одеяния, они скользили, будто тени, среди камышовых перегородок, задавая корм курам или готовя лепешки, которые пекли на внутренних стенках открытых вверху цилиндрических глиняных печей. Профиль лица такой же изящной чеканки, как у мужчин. Белые зубы, живые глаза блестят, будто звезды (если успел их заметить, прежде чем робкая смуглянка поспешно отвернулась или закрыла лицо краем платка). Шестом и веслами женщины владели не менее искусно, чем мужчины. Я видел женщин, которые в одиночку управлялись с груженной циновками огромной балаям, гоня при этом куда-то стадо плывущих буйволов.

Но только маленькие девочки или старухи могли позволить себе вместе с мальчишками и взрослыми мужчинами улыбаться и махать нам, когда наша лодка скользила мимо жилья.

Поражало обилие рыжеволосых, особенно среди самых юных. Мне даже казалось, что рыжих девочек чуть ли не столько же, сколько черноволосых. Столько рыжих, сколько я увидел в селении маданов Хуваир, старинном центре строительства лодок, мне не встречалось ни в одном европейском городе. Такое обилие не объяснишь чужеродной примесью, тем более что у болотных арабов по-прежнему действует неписанный закон, по которому нецеломудрие и неверность караются смертью. Иноземные солдаты времен британского господства, как мне объяснил Хаги, редко отваживались заходить в болотный край для того, чтобы встретиться с арабской женщиной.

Хаги отлично сознавал, что мы, горожане, не выживем без привычных элементов нашей культуры, вроде электричества и автомашин. Однако он сильно сомневался, что его соплеменники станут счастливее, если к ним в болота протянут электрические провода и

привезут кирпич для домов. Счастливые люди улыбаются, говорил он. На улицах Багдада ему не привелось увидеть ни одной улыбки.

– В городе слишком много народу, – объяснил я. – Каждому встречному улыбаться просто невозможно.

Но Хаги ходил по таким улицам, где было мало народу. Там – то же самое.

Мне нечего было возразить. Ведь не случайно болотные арабы неизменно выходили, чтобы улыбнуться и помахать нам, когда наша лодка проплывала мимо их жилищ, а ребята весело крича и смеясь, подбегали к самой воде. Здесь стоит тебе чуть улыбнуться, как окружающие отзываются радостным смехом. В городе я не наблюдал такого ни в центре, ни на окраине. Выходит, прав старина Хаги. Болотные арабы – не бедняки.

Взять хоть его самого. Разве этот полный собственного достоинства человек – бедняк? По внешности и манерам старца вполне можно было посчитать его могущественным владельцем нефтяных промыслов, или бывшим государственным деятелем, или ушедшим на покой учителем. Впрочем, в своем длинном облачении он больше всего напоминал мудрого пророка или патриарха из Библии, столь же не подвластного времени, как шумерский камышовый дом, в котором мы сейчас беседовали.

Слушая речи Хаги, я ловил себя на том, что сравниваю его с Моисеем или Авраамом.

Хаги помнил камышовые лодки. В дни его юности были в ходу три разновидности. Две – с полым корпусом, наподобие долбленок или сосудов, обмазанные снаружи и внутри асфальтом. Речь шла о красавице джиллаби и о гуффа; обе эти конструкции я и сам видел выше по течению Евфрата, к северу от Вавилона. Стройная джиллаби напоминает обводами машхуф, тогда как гуффа – совсем круглая, вроде огромной автомобильной шины, и такая устойчивая, что она ничуть не накренилась, когда я сел на край.

У болотных арабов я впервые после камышовых лодок озера Титикака увидел образцы такой же искусной работы со стеблями водных растений. Широкие гладкие дуги из камыша, надежно подпирающие высокий потолок дома Хаги, поражали своим совершенством. Расставленные с одинаковым интервалом, словно отлитые в одной форме; внизу – толще человеческого туловища, медленно сужающиеся кверху. Показав на одну из опор, Хаги пояснил, что третий род виденных им в юности судов делали примерно из таких связок камыша, только они сужались в обоих концах. Много соединенных вместе связок образовали компактное суденышко с изогнутыми кверху, заостренными носом и кормой. Корпус вязали из берди; кассаб годится лишь для шалашей на палубе. У берди губчатая сердцевина, а кассаб – полый, ломкий, легко пропитывается водой. Велев мальчику принести по стеблю каждого вида, Хаги показал мне, что мягкий нижний конец берди можно есть. В самом деле, хрустящий стебель отличался приятным вкусом, как и молодые стебли папируса.

Чтобы лодка из берди долго держалась на воде, продолжал Хаги, стебли надо связывать очень туго. Двое мужчин изо всех сил затягивают веревочную петлю, тогда связка получается твердая, как бревно. Я еще раз потрогал опоры его дома: верно, пальцем не сомнешь, твердые, как дерево. Я спросил о пропитке, но Хаги никогда не слышал, чтобы такие лодки обмазывали асфальтом или еще каким-нибудь веществом.

Мне довелось однажды видеть фотографию камышовой лодки такого типа, который описал Хаги. Она была напечатана в газете «Дейли скетч» 3 марта 1916 года, во время Первой мировой войны. Выцветшая подпись гласила: «Такие лодки постоянно видят наши люди в Месопотамии». Ее вполне можно было бы принять за лодку с острова Пасхи или озера Титикака, если бы в ней не сидел араб.

Спасибо крепкой памяти Хаги, не то я опоздал бы на полвека с приездом на земли бывшего Шумера. Хаги перебросил мост в прошлое. Глядя на него, я все время вспоминал про Авраама. Кстати, Хаги вполне мог быть прямым потомком библейского патриарха: все арабы, как и все иудеи, считают Авраама своим родоначальником, и ведь Хаги жил по сосед-

ству с Уром, где родился Авраам. Человек, занятый поиском начал в этих библейских краях, не может пройти мимо Авраама: мало того, что иудеи и арабы числят его своим предком, – ему мы обязаны одним из первых описаний того, как месопотамцы в древности строили свои суда.

Некоторые современные ученые видят в Аврааме историческое лицо, жившее в Двуречье около 1800 года до нашей эры. По Ветхому Завету, он родился в Уре, который покинул вместе с отцом, когда тот со всем своим племенем и скотом от рубежей болотного края двинулся на север, в ассирийский город Харран. Позже Авраам из Харрана направился дальше, в страны Средиземноморья. Уроженец Ура дошел до самого Египта, прежде чем окончательно решил осесть в земле обетованной. Рассказ о его странствиях – документальное свидетельство древнейших связей по суше между Двуречьем и долиной Нила. Хотя нам может показаться, что Двуречье и Египет были для древнего человека двумя совершенно обособленными мирами, на самом деле это не так. Недаром Авраам заявлял, что его потомкам были обещаны все земли от реки египетской до великой реки Евфрат⁴.

С той далекой поры река Евфрат и зеленые болота со всем, что на них произрастает, отступили километров на десять от величественных развалин Ура, но исполинская шумерская храмовая пирамида по сей день вздымается из праха к небесной синеве поразительным памятником дерзаний и брэнности рода человеческого. Грандиозная ступенчатая пирамида снова и снова перестраивалась чередовавшимися культурами, и возраст ее уже исчислялся веками, когда Авраам мальчиком играл у ее основания и купался в реке, которая задолго до его рождения сделала Ур крупным портом. В шумной гавани Авраам встречал купцов из дальних стран, а в тени могучего храма писцы и мудрые старцы передавали подрастающим поколениям свои познания о прошлом и наставления о том, как обеспечить себе счастье в загробной жизни. Видимо, от них он и почерпнул те сведения о пространной истории своих предков, начиная от древнейших времен, которые передал потомкам и которые были запечатлены в Ветхом Завете. Надо думать, Авраам видел хранимые жрецами лодочные модели из серебра и обмазанного асфальтом камыша – жертвоприношения осмотрительных мореплавателей. И даже если он сам не ступал на палубу корабля, ему, конечно же, были хорошо знакомы различные суда, швартовавшиеся у местных пристаней и берегов.

Сидя вместе с Хаги в камышовом доме и слушая его рассказ о том, как строили джиллаби, как обшивали каркас камышом, который затем конопатили битумом, я мысленно видел перед собой миниатюрный вариант знаменитого судна, описанного в Ветхом Завете. Ноев ковчег... При этих словах многие с улыбкой вспомнят слышанную в детстве наивную историю про пузатый плавучий дом и добродушного бородатого старца, гонящего вверх по трапу попарно слонов, верблюдов, жирафов, обезьян, львов, тигров, других зверей и всевозможных птиц. Когда я мальчишкой выстраивал игрушечных деревянных зверей на трапе деревянного ковчега, мне в голову не приходило, что из старого предания можно извлечь какие-то сведения, и уж никак я не мог предвидеть, что сам окажусь на родине этого предания и буду штудировать ученые труды, докапываясь до его корней.

Судя по всему, иудейская версия истории про Ноя и потоп, известная нам по Ветхому Завету, долго передавалась из уст в уста, прежде чем ее за несколько веков до нашей эры записали древнееврейскими буквами. И не исключено, что патриарх Авраам владел грамотой, – ведь он вырос в городе, где письмо в том или ином виде было известно больше тысячи лет. Как бы то ни было, легенда о Ное родилась в давний период истории человечества, до того как цивилизация из Ближнего Востока распространилась на Европу.

Ковчег в Ветхом Завете не европейское, а месопотамское судно. Есть причины предполагать, что общее для иудейской и мусульманской религий предание о потопе было при-

⁴ Бытие, гл. 15.

несено в Средиземноморье выходцем из Ура, Авраамом. Его племя прошло в своих странствиях через Ассирийское царство на севере Двуречья и, скорее всего, задержалось там на какой-то срок. Тогдашние ассирийцы тоже хорошо знали историю о потопе, погубившем большую часть человечества. В огромном архиве ассирийского царя Ашшурбанипала, насчитывающем десятки тысяч плиток, есть, в частности, впервые прочитанный в 1872 году подробный рассказ о всемирном потопе. Сходство этого рассказа с иудейской версией настолько велико, что они, несомненно, восходят к общему источнику. Поскольку ассирийцы унаследовали свою письменность и мифологию от шумеров, а иудеи, по их утверждениям, вышли из бывшей шумерской столицы Ур, естественно искать этот общий источник в Шумере.

В ассирийском тексте имя старца, построившего корабль для спасения человечества, не Ной, как в иудейской версии, а Ут-напштим; однако оба имени, скорее всего, аллегорические. Далее, у ассирийцев вместо единого иудейского бога Яхве видим бога моря Энки. По ассирийской версии, историю о всемирном потопе рассказал одному из их предков в Дильмуне сам венценосный кораблестроитель Ут-напштим. Будто бы бог морей проникся к нему расположением и открыл тайный заговор других богов, задумавших утопить весь род людской. Тот же бог морей научил Ут-напштима построить большой корабль и взять на борт родных и приближенных, а также свой скот. Царь послушался совета и построил корабль:

«На седьмой день корабль был готов. И чтобы облегчить спуск на воду, были разложены катки сверху и внизу на две трети... Нагрузил я его всем своим достоянием, нагрузил его всем своим серебром, нагрузил его всем своим золотом, нагрузил его всем своим племенем. Взял на борт всю семью и слуг моих, и скот, и степных зверей, и всех мастеров я взял... Кормчему судна Пузур-Амурри вверил я корабль вместе с грузом».

Шесть дней и семь ночей заливала землю вода, и на седьмой день корабль пристал к вершине горы в Верхнем Курдистане – в том самом краю, где Ной, в предании иудеев, пристаёт к горе Арарат. В ассирийском тексте с корабля выпускают сперва голубя, потом ласточку, и обе птицы возвращаются; лишь после того, как не возвратился выпущенный ворон, царь понял, что воды спадают, можно без опаски сходить на сушу вместе с племенем своим и скотом. Покинув корабль, люди принесли жертву богам, и те обещали никогда больше не карать все человечество за грехи нескольких людей. Любопытно, что в ассирийском тексте спасшимся от потопа боги повелевают поселиться «при устье рек, в отдаленье». Для жителей Ассирии это означало устье Тигра и Евфрата, где находилась некогда страна шумеров. Другими словами, по ассирийской версии, возродившееся человечество сначала заселило берег Аравийского залива и болотный край в Южном Ираке.

Тем интереснее узнать, что говорили по этому поводу сами шумеры. Их версия была обнаружена археологами Пенсильванского университета. В Ниппуре, к северо-западу от слияния двух рек, раскапывая огромный шумерский зиккурат – столь характерную для древних городов Двуречья ориентированную по солнцу ступенчатую пирамиду с храмом на макушке, – они натолкнулись на обширную библиотеку. У подножия пирамиды лежало 35 тысяч плиток с письменами, и на одной из плиток удалось прочесть исконное шумерское предание о всемирном потопе.

В отличие от более поздних ассирийской и иудейской версий, у шумеров спасенные после потопа не высаживаются на какой-то горе внутри страны, а сперва заселяют находящийся за морем на востоке Дильмун, откуда боги затем приводят их на новое место жительства в устье двух рек.

Ясное указание на то, что ассирийский текст представляет собой вариант более древнего шумерского оригинала, специалисты видят в том, что в обоих случаях спасителем рода людского изображен шумерский бог морей Энки. В роли избранника, которого бог учит

построить большой корабль для своего спасения, у шумеров также выступает благочестивый, богобоязненный, кроткий правитель некоего царства, но зовут его Зиусудра. К сожалению, часть плитки с описанием того, как Зиусудра строил свой корабль, не уцелела; во всяком случае, судно было достаточно большим, чтобы вместить не только людей, но и скот. После того как все взошли на борт, воды семь дней и ночей заливали землю, «и могучие волны бросали огромный корабль», пока Уту, шумерский бог солнца, наконец не явил свой лик и не осветил небо и землю. Тут Зиусудра распахнул окно и простерся ниц перед богом. Затем он поспешил принести в жертву быка и овцу; очевидно, Зиусудра, в отличие от Ноя, захватил с собой больше одной пары животных. Правда, зато он не брал на борт диких зверей. Как видим, в ходе тысячелетий исконная версия о спасшихся людях, которые везли на судне только домашний скот, видоизменилась, и Ной выступает уже в роли спасителя диких животных.

Самое важное для меня во всех трех вариантах – большие корабли. В каждом случае говорится о домашних животных, о том, что до потопа существовали города и царства, но нигде не сказано, чтобы человек и его скот спаслись от воды на какой-то высокой пирамиде или башне.

Пять тысяч лет назад из рук писцов вышли древнейшие известные нам фрагменты письменной истории. Истории, которая начинается с того, что после великой катастрофы люди и скот высаживаются с большого корабля в Дильмуне, откуда, опять-таки морским путем, прибывают в Ур в Двуречье. Досадно, что не сохранилась часть древнешумерской плитки с описанием строительства корабля, но поскольку Зиусудра и Ут-напштим суть два имени одного и того же венценосного кораблестроителя, мы можем в своих умозаключениях опираться на ассирийскую версию. В древнейшем известном нам героическом эпосе ассирийский поэт отправляет своего героя, царя Гильгамеша, на корабле в страну предков Дильмун, где, как уже говорилось, царственный долгожитель Ут-напштим рассказывает ему свой вариант истории о потопе. Назвав себя сыном царя Убар-Тату, правившего в Шуруппаке до всемирной катастрофы, Ут-напштим затем в поэтической форме воспроизводит слова бога морей, который повелел ему строить корабль:

«Камышовый дом, камышовый дом. Стена, стена. Слушай, камышовый дом! Слушай, стена! Шуруппакиец, сын Убар-Тату. Разрушь свой дом и построй корабль!»⁵

Естественно, разрушив камышовый дом, можно было построить только камышовый корабль. Это согласуется и с иудейской версией, где Ною предписывается: «Сделай себе ковчег с ребрами кипарисовыми, покрой его камышом и осмоли внутри и снаружи»⁶.

В ассирийском эпосе также есть намек на то, что венценосный кораблестроитель обмазывал свой корабль. Сам Ут-напштим говорит: «Шесть саров смолы влил я в горячий котел, три сара асфальта добавил. Три сара масла принесли работники, не считая одного сара, который хранился в трюме, и двух саров, которые припас кормчий».

Принципы строительства, описанные в предании о Ное, те же, только в гораздо меньшем масштабе, о каких говорил мне Хаги, рассказывая про джиллаби. Недалеко от Вавилона я сам видел джиллаби с шестью пассажирами. Естественно, размеры древних царских судов должны были соответствовать прочим сооружениям эпохи деспотических держав. В ассирийском эпосе величина корабля Ут-напштима выражена словом «ику», подразумевающим меру, равную площади основания Вавилонской башни⁷. Вряд ли следует понимать это буквально, хотя вообще-то было легче собрать конструкцию таких размеров из длинных

⁵ Tallquist K. Gilgames-eposet. Stockholm, 1977. S. 22.

⁶ Бытие, гл. 6.

⁷ Tallquist. Op. cit. S. 125.

связок камыша, в изобилии произрастающего на болотах, чем из мелких кирпичей, каждый из которых надо было формовать и обжигать в гончарной печи.

Иудеи более умеренны: длина Ноева ковчега – триста локтей, ширина – пятьдесят локтей и высота – тридцать локтей (соответственно сто пятьдесят, двадцать пять и пятнадцать метров). Иначе говоря, ковчег был всего в четыре раза длиннее камышового гаре, наскоро сооруженного Матугом.

Думается, к разряду гипербол можно отнести также утверждение ассирийцев, будто на корабле Ут-напшима было девять внутренних отсеков и шесть палуб. Иудеи и тут скромнее: у описываемого ими ковчега три палубы – верхняя, средняя и нижняя.

Несомненно, ассирийцы, а также иудеи, когда жили в Двуречье, видели большие корабли. Иначе откуда у них могло взяться представление о многопалубных судах? Вообще, нам отнюдь не следует недооценивать способности шумеров сооружать большие конструкции из камыша, если учесть, что из сырцового и обожженного кирпича они воздвигали подлинные горы, и, не сохранись месопотамские зиккураты до наших дней, изумляя нас так же, как изумляют египетские пирамиды, мы, конечно же, сочли бы невозможным строительство таких масштабов пять тысяч лет назад. Высокое развитие кораблестроения на Ближнем Востоке в древности не должно казаться нам невероятным теперь, когда открыт поразительный корабль фараона Хеопса, намного превосходящий размерами норманские ладьи, хотя он был построен за тысячу лет до того, как иудеи дошли до Египта, и если бы Авраам и Сарра увидели этот корабль в его тайнике у подножия пирамиды, он был бы в их глазах таким же памятником старины, как в наши дни ладьи викингов в глазах туристов, посещающих Норвегию.

Обширные раскопки на острове Бахрейн в Аравийском заливе, проведенные датчанами, дали новый материал исследователям первоначального предания о всемирном потопе. Найденные здесь города, по мнению специалистов, – первое конкретное подтверждение того, что Бахрейн и есть упоминаемый в документах шумерских купцов Дильмун, страна, где предки шумеров обосновались после потопа. Подводя итоги пятнадцатилетних работ на Бахрейне, видный датский археолог П. В. Глоб⁸ поддерживает распространенное толкование шумерской версии. Как известно, Леонард Вулли, раскапывая Ур, обнаружил под резиденцией шумерских правителей трех-четырёхметровый однородный слой ила, ниже которого находились развалины более древнего города, затопленного во время катастрофического наводнения, когда вся Нижняя Месопотамия была покрыта восьмиметровым слоем воды. Понятно, немногим спасшимся тогда казалось, что погиб весь мир, и память людская сохранила воспоминание о потопе, запечатленное впоследствии на шумерских глиняных плитках. Глоб полагает, что некоторые горожане сумели спастись, взобравшись на стены самых высоких построек. Но почему именно построек, спрашивал я себя, если речь шла о портовом городе с множеством камышовых судов?

...Я посмотрел налево, направо. Как далеко от дома Хаги увели меня мои размышления! Камышовый дом, камышовый дом. Стены, стены. Слов нет, Хаги мог бы соорудить неплохое судно, разобрал большой дом, в котором мы сидели. Да и зачем разбирать? Перевернул постройку – вот тебе и готовый корпус ладьи с крепкими ребрами, останется лишь заделать оба конца и обмазать камыш внутри и снаружи смолой или асфальтом.

Разумеется, никто не собирался рушить дом Хаги. Вернувшись пять лет спустя в те же места, я с радостью убедился, что он целехонек. Правда, мне недоставало старца, в котором я видел живое воплощение Авраама, но сыновья его никуда не делись и приняли меня по-царски. Библейская обстановка – потомки Фарры, родителя Авраама, оставались верны древним традициям.

⁸ Glob P. V. Al-Bahrain. Copenhagen, 1968. P. 214.

Ша-лан, старший сын Хаги, и другие мужчины, собравшиеся в его доме, заметно оживились, услышав, что я вернулся, чтобы найти в болотном краю желающих помочь мне заготовить берды и построить судно наподобие тех, про которые пять лет назад рассказывал старик Хаги. Мне требовалось двадцать человек. Ша-лан поспешил заверить меня, что лично подберет подходящих людей, все будет в порядке. Посовещавшись, присутствующие решили, что на роль бригадира лучше всех подойдет Гатаэ – он мастер строить дома и уж наверно знает, как делают конусовидные связки.

Кто-то сходил на машхуф за Гатаэ, и я увидел пожилого араба с располагающей внешностью и веселой искоркой в глазах. В просторном клетчатом халате он стоял в лодке, высокий и стройный, будто мачта. Гордая осанка и острая седая бородка напомнили мне моего покойного английского издателя, сэра Стенли Анвина. С первой минуты у нас с Гатаэ установился такой контакт, словно мы всю жизнь были друзьями. Мои слова о том, что я собираюсь построить камышовое судно и выйти в море, он воспринял как нечто вполне естественное и сразу же поинтересовался, сколько камыша нам понадобится.

Я смерил шагами пол. «Ра I» была около пятнадцати метров в длину, «Ра II» – неполных двенадцать. На этот раз я задумал набрать команду побольше, а потому и судно должно быть крупнее – метров восемнадцать в длину, примерно такое же, как дом, в котором мы находились. Но Хаги говорил, что губчатые стебли нужно сильно сжать; стало быть, объем заготовленного камыша должен превышать конечный объем ладьи.

– Думаю, стоит заготовить берды вдвое больше, чем вместились бы в этом доме от пола до потолка, – сказал я.

Все подняли глаза на изогнувшийся высоко над нами камышовый свод. Гатаэ оставался невозмутимым. Какие связки мне понадобятся, такие он и сделает.

Мы условились, что в сентябре двадцать человек во главе с Гатаэ соберутся у Адамова древа и приступят к строительству, но перед тем я еще приеду в августе и прослежу, чтобы маданы из деревни Эль-Гассар, расположенной ближе к строительной площадке, заготовили камыш и как следует высушили его. Власти провели грунтовую дорогу от этой деревни до самых болот, чтобы камыш можно было грузить прямо с машхуф на машины, которые доставляли сырье на новую бумажную фабрику на реке Тигр.

Однако наш камыш отнюдь не предназначался для бумажной фабрики. Мы не собирались делать корабль из папье-маше. Нам нужны были хорошо просушенные на солнце, целые и крепкие стебли. Возвращусь в Ирак – сразу же договорюсь и о том, чтобы их после сушки привезли на мыс, у которого встречаются две реки, на лужайку у гостиницы «Сады Эдема».

Глава II В Садах Эдема

Август. Я снова в болотном краю. Август – самый жаркий месяц в Южном Ираке. Ртутный столбик колеблется между 40 и 50 градусами в тени, но на открытой местности, где мы заготавливали камыш, тени не было и в помине. Вооруженные большими кривыми ножами, болотные арабы врубались в камышовую чащу с таким рвением, словно перед ними был враг, которого требовалось обезглавить или, вернее, обезножить. Под натиском маданов падали шеренги длинных зеленых стеблей. Я только наблюдал с лодки за этой битвой, но и то совершенно изнемог от зноя. В конце концов, положившись на заверения не слишком сильного в английском языке местного переводчика, что в здешних водах нет шистосом, я, не раздеваясь, прыгнул за борт и присоединился к стоящим по пояс в воде маданам. На озере Чад и на Ниле я научился остерегаться крохотных личинок, которые развиваются в теле камышовых улиток: легко проникая под кожу человека, они затем размножаются в его внутренних органах. Наслаждаясь прохладой неторопливого потока, я вдруг заметил плывущую в мою сторону красивую улитку. Поймал ее рукой и нерешительно показал энергично рубящему камыш переводчику.

– Это? – сказал он. – Это же только домик шистосомы.

Одним прыжком я вернулся на борт водонепроницаемой машхуф: лучше буду обливаться потом под безоблачным небом.

Лодка за лодкой – я давно потерял им счет, – управляемые жителями и жительницами Эль-Гассара, отвозили горы зеленого берди на берег для сушки. Кажется, моя ладья размерами нисколько не уступит Ноеву ковчегу...

Но до начала строительства мне надо было по делам экспедиции на несколько недель возвратиться в Европу. Организовать что-нибудь, сидя в гостинице «Сады Эдема», было невозможно. В Багдаде я, не выходя из гостиничного номера, брал телефонную трубку цвета слоновой кости и в несколько минут связывался с Осло, Сиднеем, Токио. А в моем Эдеме древний телефонный аппарат надо было заводиться ручкой наподобие старинного «форда». Вот уже вроде бы Лондон ответил, и ты пытаешься с помощью гостиничного персонала разобраться, что тебе оттуда говорят, как вдруг выясняется, что еле слышный писклявый голос в трубке принадлежит телефонисту на расположенной через улицу станции, который силится втолковать тебе, что линия на Басру повреждена, сегодня ничего не выйдет. Наконец из Басры прибыл английский инженер с утешительной вестью, что столичные власти поручили ему проложить новую линию, в следующем году будет готова. Приятная новость. Для тех, кто будет жить в «Садах Эдема» после нашего отъезда.

Нефтяной бум, позволивший наладить бурное строительство и массовый ввоз всевозможных изделий из-за границы, привел также к тому, что все импортные товары раскупались тотчас по прибытии в страну. Портовые устройства не успевали обслуживать огромную флотилию танкеров и сухогрузов, направляющихся в устье Шатт-эль-Араба. Корабли со всех концов света по два, три, даже четыре месяца дожидались в бухте своей очереди подняться вверх по реке и стать на разгрузку. Все товары, от индийского леса и бамбука до датского масла и мороженых цыплят из США, исчезали с портовых складов и оптовых баз с такой скоростью, что ухватить что-нибудь для себя не было никакой возможности. А специально заказывать – рискуешь, что судно с твоим заказом надолго застрянет в заливе. Я видел только один выход: ехать в Гамбург, собрать там все необходимое для экспедиции и отправить с автофургоном по суше в Ирак.

Друзья в ФРГ помогли мне в три дня закупить нужное снаряжение. Канатный завод, отложив выполнение заказов на нейлоновые тросы, изготовил километры пеньковых веревок разной толщины для наших бунтов и снастей. Потомственный мастер-кораблестроитель старой школы выстругал из ясеня две десятиметровые ноги нашей мачты и вытесал вручную два 7,5-метровых рулевых весла и двенадцать гребных весел с удлиненным веретеном, чтобы его можно было укорачивать по мере того, как будет расти осадка камышовой ладьи. Такой же потомственный и добросовестный мастер сшил из египетской хлопчатобумажной ткани два прямых паруса, сужающихся книзу, как это было заведено в доевропейские времена; один из парусов, побольше площадью и потоньше, предназначался только для хорошей погоды.

Список нужных нам вещей включал также бамбук для надстроек. Сборник дождевой воды. Флаги и сигнальные огни. Керосиновые фонари для освещения; примусы, кастрюли и сковороды для камбуза. Рыболовные снасти. Маленькую надувную лодку с шестисильным подвесным мотором для киносъемок на море. И наконец мы закупили провиант и разные предметы повседневного обихода, включая канистры, позволяющие взять трехмесячный запас питьевой воды на одиннадцать человек, с расчетом на дальнейшее пополнение.

В прежних экспедициях я уже пробовал обходиться продуктами, какими располагали древние мореплаватели; на «Ра» брал лишь такой провиант, который можно было держать в корзинах и керамических сосудах, а воду наливал в бурдюки и кувшины. Мы благополучно пересекли Атлантику, не испытав никаких проблем с едой. Повторять этот эксперимент не было никакой надобности. Да мы и так на камышовой судне, без электричества для холодильника, были ограничены в выборе продуктов. Свежее мясо, фрукты и овощи не сохранились бы на борту, да и большинство консервов вряд ли выдержало бы температуры, которые ожидали нас до старта и во время плавания. Тем не менее у меня набралась не одна тонна провианта и снаряжения. Заручившись нужными бумагами в Иракском посольстве в Бонне, мы нагрузили двенадцатиметровый автофургон, которому предстоял двухнедельный рейс от Гамбурга до самой гостиницы «Сады Эдема» в Южном Ираке.

Из Гамбурга я вылетел в Лондон на встречу с представителями организованного Би-би-си международного консорциума телевизионных компаний. После долгого обмена мнениями и редактирования машинописных проектов был подписан контракт на тридцати одной странице, обязывающий шесть телевизионных компаний Англии, Франции, ФРГ, Японии, Швеции и США финансировать экспедицию на камышовой судне путем закупки четырех еще не снятых одночасовых телефильмов об еще не состоявшейся экспедиции. Составление контракта осложнялось еще и тем, что я мог лишь сказать, откуда мы выйдем, а куда придем и сколько будем плыть – на эти вопросы как раз и должна была ответить экспедиция. Мы нашли выход, записав, что плавание продлится до тех пор, пока судно будет поддаваться управлению или хотя бы держаться на воде. Американские представители в консорциуме – Национальное географическое общество со своими телепродюсерами – настаивали на том, чтобы мы взяли с собой их оператора с правом свободно фиксировать на пленке все, что будет делаться и говориться на борту, – только снимать и записывать, даже если судно начнет тонуть.

Я согласился. Все поставили свои подписи.

Вместе с представителем Би-би-си я, кроме того, – без особой охоты – съездил в Саутгемптон: при тамошнем университете по моим чертежам изготовили 1,8-метровую модель камышовой ладьи, чтобы испытать ее в аэродинамической трубе и в заливе и снять испытания на пленку. Смотреть, как здоровенная модель с корпусом, составленным из двух пластиковых веретен, покачиваясь на волнах, выполняет команды специалистов из университета, было одно удовольствие. Нажмут кнопки радиоуправления – рулевые весла поворачиваются,

и суденышко становится боком к волне. А когда увеличили общую рабочую площадь весел, оно даже пошло галсами навстречу волнам.

Эксперимент показал: чем больше площадь паруса и спущенных в воду весел, тем лучше судно лавирует. Окончательные результаты испытания в аэродинамической трубе мне обещали прислать потом по почте. Правда, во всем этом было одно небольшое «но». Модель была из пластика, а не из камыша. Никто не знал наперед, какой будет осадка камышового судна на старте и с какой скоростью она будет расти по мере уменьшения плавучести. К тому же модель изготовили с опозданием, и наши сроки уже не позволяли изменять размеры парусов и весел, когда будут получены данные об испытании в трубе.

Недалеко от Саутгемптона расположено чудесное поместье Броудфилд, владение лорда Луиса Маунтбеттена, графа Бирманского и адмирала британского флота. Я был приглашен туда на ленч. Общий интерес к морским путям и другим средствам сближения народов сделал меня и несгибаемого старого военного моряка друзьями, и с его легкой руки я стал вице-президентом Всемирных колледжей; сам он весьма активно выполнял обязанности президента. У члена королевской семьи и бывшего вице-короля Индии лорда Маунтбеттена были друзья и контакты во всех концах света; в Атлантический колледж в Уэльсе, который я незадолго перед тем посетил, ему удалось даже привлечь китайских студентов. Всемирные колледжи помогают развивать прочные связи между юношами и девушками разных стран. Большое место в программе уделено лодочному спорту и спасанию на водах, и я давно обещал лорду Маунтбеттену вспомнить о выпускниках этих учебных заведений, если задумаю какой-нибудь новый морской эксперимент. Теперь я выполнил свое обещание. Для запланированного плавания мне была нужна многонациональная команда. На «Ра I» и «Ра II» тогдашний Генеральный секретарь ООН У Тан разрешил мне поднять флаг Организации Объединенных Наций, и сменивший его Курт Вальдхайм любезно распространил это разрешение на предстоящую экспедицию. Я известил правление Всемирных колледжей, что предпочтение будет отдано участникам моих экспериментов на папирусных судах, однако найдется место и для бывших студентов Колледжей. И теперь все ректоры разослали выпускникам циркулярный запрос, приложив к нему подготовленный консорциумом Би-би-си информационный материал. Предполагалось по полученным в ответ заявлениям составить для меня рекомендательный список.

Я был рад снова очутиться в Броудфилде. Окна светлой столовой выходили в парк с могучими старыми деревьями, а из травы выглядывал молоденький саженец, который я, по заведенному здесь обычаю, посадил в прошлый приезд.

– Тур, ты мне поверишь, если я скажу, что по твоей милости у меня неприятности в международном масштабе? – сурово поглядел на меня лорд Маунтбеттен.

Мы сидели втроем за столом; третьим был адъютант. Только что дворецкий в форменной одежде подал дыню.

– Конечно поверю, – ответил я и засмеялся: дескать, какие еще там неприятности!

– Ты навлек на меня гнев шаха, – строго продолжал хозяин.

Я снова засмеялся, уплетая холодную дыню:

– Как же, как же!

Лорд Маунтбеттен оторвался от еды:

– Как прикажешь убедить тебя, что это не шутка?

Он отдал распоряжение адъютанту, и тот принес письмо на бланке Верховного суда в Тегеране. В пространном послании выражался решительный протест по поводу формулировок в циркуляре Всемирных колледжей относительно задуманной мной экспедиции. Иранский посол в Великобритании лично звонил лорду Маунтбеттену еще до прибытия этого письма, сразу после того, как по радио и телевидению была передана информация Би-би-си о том, что я собираюсь спуститься по реке Шатт-эль-Араб в «Аравийский залив». Как может

международное учебное заведение, возглавляемое адмиралом флота, пользоваться фиктивным географическим термином?! Или в этом проявляется растущая тенденция подольщаться к арабам? Единственно верное наименование данной акватории – «Персидский залив», и автор этого названия не кто иной, как Британское адмиралтейство.

Я почувствовал себя очень неловко. Поистине, неподвижная закавыка для мореплавателя, замыслившего испытать древнее камышовое судно в современном мире. Я объяснил лорду, что с самого начала писал «Персидский залив», как меня учили в школе, но багдадские власти поправили меня и разъяснили, что из Ирака я могу попасть по воде только в «Аравийский залив».

Лорд Маунтбеттен выразил мне свое сочувствие и предложил вовсе не упоминать эту акваторию.

Мне никак не хотелось обижать кого-либо, но не мог же я спускаться по реке в никуда. Обратился в норвежское Министерство иностранных дел и выяснил, что там принято говорить «Персидский залив», когда дело касается иранских портов, и «Аравийский залив», когда речь идет о порте арабской страны. Но ведь мне предстоит выходить в открытое море, за порт не зацепишься! Я связался со службой информации ООН.

– Вопрос затруднительный, – ответили мне. – У нас вот как раз намечено совещание представителей всех стран, которые граничат с этим вашим заливом, по поводу загрязнения их территориальных вод, и мы сами бьемся над названием!

Показательный случай, красноречивое предостережение, что двадцатый век при всех его радарах и маяках не гарантирует от столкновения с «подводными рифами»...

Я рассчитывал, что Всемирные колледжи предложат мне кандидатов из самых что ни на есть экзотических стран, и был слегка разочарован, когда увидел, что список возглавляют два молодых скандинава – норвежец, студент медицинского факультета, и датчанин, который готовился стать математиком. Правда, у норвежца было то преимущество, что он служил в инженерных войсках и разбирался в тросах и строительстве мостов. Весьма кстати, если учесть, что вся моя ладья будет держаться на веревках, даже мачты и рубки будут крепиться без единого гвоздя. Но раньше всего предстояло соорудить из реек и жердей стапели в виде помоста, чтобы легче было связывать камыш и спускать на воду готовую конструкцию. Я позвонил в Норвегию, и будущий член экипажа, вооруженный спортивной сумкой и фотоаппаратом, присоединился ко мне в Риме, откуда мы вместе вылетели в Багдад. Моего молодого соотечественника звали Ханс Петер Бён, но он предпочитал короткое Эйч Пи (HP – начальные буквы английских слов, означающих «лошадиная сила»).

Из Багдада мы за семь часов добрались до гостиницы «Сады Эдема» – с опозданием на сутки, поскольку днем раньше по графику предполагалось прибытие автофургона из Гамбурга и я хотел встретить его, чтобы принять провиант и сразу переправить в помещение, подальше от палящего солнца.

На крыльце гостиницы нам встретился молодой европеец с красным от солнечных ожогов лицом. Странное дело: он нес куда-то копченую колбасу – точь-в-точь такую, какую я закупил в Гамбурге. Подойдя к реке, он бросил колбасу в воду. Слепленный струями пота, он не сразу приметил нас. Я остановил его, представился и спросил, чем это он занят.

– Беда! – воскликнул он. – Все продукты испорчены! Машина покатила обратно в Гамбург без меня, а я таскай тут один все это!

Одним прыжком Эйч Пи перемахнул через перила и мгновение спустя вынырнул из реки, держа в руках, словно младенца, здоровенный батон колбасы. Последний батон – остальные унесло течением, а молодой немец уже волок из кладовки копченый окорок и короб с норвежскими рыбными консервами, намереваясь отправить их следом за колбасой.

Кажется, мы подросли в самый раз! Немца словно завели ключиком, пришлось чуть не силой усадить его на бухту троса и потребовать, чтобы он объяснил нам смысл потрясающей идеи: везти продукты из Гамбурга в Ирак для того, чтобы выбросить их в реку Тигр.

– Таможня, – вымолвил он. – Таможня.

Лишь после того, как Али, обходительный парень из персонала «Садов Эдема», сбежал за банкой холодного пива, немец смог вразумительно поведать свою поразительную историю. Гамбургское транспортное агентство поручило ему сопровождать груз, проследить, чтобы у водителей не было никаких осложнений с таможней, и обеспечить быструю выгрузку товара в нашу темную кладовку в гостинице. Уже в Европе стояла жаркая погода, а фургон был без холодильника, и по настоянию сопровождающего водители гнали вовсю, стараясь опередить двухнедельный график доставки. В этом они преуспели с лихвой. На юге Турции их обстреляли из засады курды. Развив предельную скорость, с пулевыми пробоинами в фургоне, немцы догнали автомобильный караван, который тоже мчался во весь опор в сторону Ирака. Второпях они не догадались обратиться в пограничную таможню, где лежало специальное распоряжение из Багдада оформить их груз. Продолжая мчаться на юг при нарастающей жаре, они проехали Багдад, миновали «Сады Эдема» и остановились только в перегруженном порту Басры, где никто не был предупрежден об их прибытии. Спросив дорогу у полицейского, они в конце концов очутились на таможенном дворе. Все места в тени были заняты. Температура воздуха достигала плюс сорока пяти, внутри фургона – семидесяти градусов. На третий день ожидания вся троица была еле жива. Даже закаленный мной толстый бамбук начал трескаться от жары, и они чувствовали себя так, будто сидели на углях. Наконец какой-то добрый человек, владеющий английским языком, помог им связаться по телефону с министерством в Багдаде. Все разъяснилось, груз был оформлен, водители и сопровождающий вырвались из заточения.

Слушая рассказ молодого страдальца, мы время от времени подпрыгивали от звука выстрелов: это продолжал трескаться бамбук...

Бедняги. Неудивительно, что водители поспешили отправиться в обратный путь, предоставив расхлебывать кашу сопровождающему, а тот решил, что простейший выход – отправить наш провиант в реку. Первым под воду ушел сыр: 40 кг отборного норвежского чеддера, 24 кг эдамского сыра и разные прочие сорта, рассчитанные на умеренную температуру. Дальше последовали прохудившиеся банки с жидким мылом и растаявшим маслом, различные виды копченого мяса. Немец только что утопил 20 кг особой польской салями, когда наше появление прервало его кипучую деятельность.

Эйч Пи соскреб ножом светлый налет на коже спасенной им колбасы, отрезал кружок и съел с явным удовольствием. После чего снова прыгнул в реку. Увы, на сей раз не клюнуло. А колбаса была бесподобная. Пока шло строительство, мы и наши гости налегали на спасенный батон салями, и все соглашались, что в жизни не ели бутербродов вкуснее.

Зато консервные банки даже нас напугали. Они приняли шаровидную форму наподобие пушечных ядер – типичный признак того, что содержимое протухло. Я отобрал по одной банке каждого вида, сложил в мешок и отправил самолетом из Багдада в Гамбург, чтобы их проверили там в лаборатории, прежде чем мы решимся списать драгоценное продовольствие. А через несколько дней все пушечные ядра приняли цилиндрическую форму: просто банки раздулись от сильной жары. Мы с состраданием думали о бедняге сопровождающем, который сидел на медленно разбухающей горе провианта.

Но потери надо было возмещать, и нехватка времени вынуждала меня теперь прибегнуть к воздушному транспорту. Грузоотправители обещали направить мой новый заказ в аэропорт Багдада и сообщить номер накладной и час прибытия Министерству информации, которое обязалось проследить за тем, чтобы груз был доставлен без промедления на машине в «Сады Эдема». И вот наступил назначенный день, такой же знойный, как предыдущие, а

груза нет как нет. Гамбург подтвердил, что провиант отправлен, Багдад сообщил, что провиант не прибыл. Неделю я томился неизвестностью, наконец мне пришла в голову безумная мысль послать человека на все ту же заколдованную таможду в Басре. Три дня спустя посланец вернулся и торжествующе доложил, что упорные розыски увенчались успехом: пропавший груз нашелся.

Мы с Эйч Пи занимали два из трех просторных спальных номеров, которыми располагала гостиница, и к нашим услугам был весь ее персонал, чудесные люди. Особенно пришлось нам по душе Али и Мухаммед, немного объяснявшиеся по-английски. Вдвоем мы воздавали должное отменным арабским блюдам в большом зале ресторана – таком большом, что мы даже прикидывали, не наладить ли изготовление связок камыша в помещении, если жара и в следующем месяце не спадет.

Едва над пустыней за Тигром показывался багряный лик солнца, как мы поднимались, чтобы насладиться утренней прохладой и освежающим душем. В первый день едва я лег в ванную и пустил холодную воду, как из сточного отверстия сверху внезапно высунулись два длинных коричневых усика, на меня уставились два бездумных глаза, и в воду свалился здоровенный таракан. За ним последовал второй, третий, четвертый... На счет двадцать два я остановился и, теснимый усатой армадой, пулей выскочил из ванны. Попытался загнать тараканов в нижний сток – куда там! Слишком велики... Пришлось вылавливать их стаканом и топить в уборной. Я разбудил Эйч Пи и спросил, не желает ли он освежиться в холодной ванне. Через несколько минут из-за стены до моего слуха донесся дикий вопль.

– Представляешь себе, на что я нарвался? – спросил Эйч Пи, когда мы сели за стол на лужайке, где нас ожидал плотный завтрак – яйца и бутерброды с сыром.

– Представляю, – ответил я. – Сколько штук?

Нам предстояло немало потрудиться, чтобы подготовить строительную площадку и разместить всех людей, привлеченных мной к экспедиционным делам: болотных арабов, южноамериканских индейцев, бомбейских кормчих дау, членов будущего экипажа со всех материков. Разумеется, трех гостиничных номеров было мало, но еще две комнаты можно было оборудовать на втором этаже, а матрасы и раскладушки можно примостить где угодно.

Вместе с Эйч Пи я принялся готовить площадку для стапелей. Мне подумалось, что есть смысл вырыть параллельно две широкие и глубокие траншеи, чтобы лодочные мастера могли проходить под корпусом, когда придет время связывать вместе толстой веревкой оба бунта. Шестеро рабочих из Эль-Курны принялись орудовать кирками и лопатами и вскоре наткнулись на большие прямоугольные желтые шумерские кирпичи, которые они преспокойно складывали в корзины и несли на голове на свалку. Как только я увидел это, моя археологическая совесть заставила меня приостановить работы в Садах Эдема. Но тут Эйч Пи нагнулся и подобрал среди обломков крохотную живую черепашку, а я увидел среди древних кирпичей горлышко пивной бутылки.

Стало очевидно, что другие давно перепахали весь участок, сглаживая неровности, когда начиналось строительство гостиницы.

Работа возобновилась, однако на третий день, когда наши землекопы заметно углубились в грунт, откуда ни возьмись явилась группа суровых мужчин в европейских костюмах и принялась измерять наши траншеи. Один из землекопов подошел и сказал что-то по-арабски моему молодому переводчику Каису, который вместе со мной сидел в тени пальмы, с недоумением следя за происходящим.

– Они говорят, чтобы мы копали на два метра ближе к дороге, – перевел мне Каис.

– Ну уж нет, – возразил я. – Нам надо держаться возможно ближе к реке.

Рабочий снова взялся за лопату, но вскоре опять подошел к нам.

– Они говорят, наша разметка не согласуется с расположением гостиницы!

– Ерунда! – воскликнул я. – Они ничего не смыслят. Вы копаете как раз там, где надо.

Рабочий вернулся к траншее, однако работа не возобновилась, а началась бурная жестикуляция. Я подошел, чтобы успокоить спорщиков и устранить возникшее недоразумение. Добродушный носатый коротыш представился сам и представил своих товарищей на хорошем английском языке, после чего двумя руками учтиво подтолкнул меня туда, где он считал нужным рыть траншею.

– Конечно, разница небольшая, – согласился я, – но все-таки чем ближе к берегу, тем легче будет произвести спуск на воду.

– Спуск на воду? – Он воззрился на меня, как на беглеца из сумасшедшего дома.

– Ну, конечно, – рассмеялся я. – Не оставлять же судно на берегу.

– Судно? – Он разинул рот и вытаращил глаза. – Какое еще судно?

Настала моя очередь заподозрить, что у этого коротыша не все дома.

– Назовите его стогом сена, если вам угодно, – сказал я, – но я предпочитаю говорить о судне.

Он отступил на два шага, глядя на меня с крайним недоумением.

– Вы потешаетесь надо мной. Простите, сударь, но я выполняю распоряжение Министерства информации!

– Это самое министерство разрешило мне строить здесь судно, – ответил я, чувствуя, что здесь произошла какая-то путаница.

Коротыш явно был очень расстроен:

– Умоляю вас, сударь, я нанял каменщиков и плотников. Нам завтра приступать к работе. Мы будем расширять гостиницу, надо добавить двадцать пять номеров.

Судя по всему, мы общались с двумя разными отделами одного и того же министерства. Надо было как-то распутывать этот узел.

– Если вы сейчас постройте на этом месте дом, я потом не смогу строить судно, – сказал я. – Но если я сейчас построю судно, мы уплывем, и через два месяца вы сможете приступить к своему строительству.

Он устремил на меня взгляд, полный отчаяния, потом показал на макушку стоявшей поблизости финиковой пальмы:

– Видите эту пальму? Я буду болтаться на ней с веревкой на шее, если не выполню свое задание!

Я рассмеялся, он тоже. Было очевидно, что мой конкурент капитулирует. Мистер Рэмзи (как его звали) приехал со всем своим багажом, и я не стал возражать, когда отзывчивый директор гостиницы предложил ему занять свободную койку в своей комнате. В итоге экспедиция, можно сказать, без всяких усилий с моей стороны пополнилась местным консультантом, чья помощь нам очень и очень пригодилась.

В эти же дни явился с чемоданом еще один весьма учтивый и обходительный пожилой господин – мистер Шакер эль-Тарки, направленный в мое распоряжение Багдадским музеем в качестве гида и офицера связи. Это было как раз в тот момент, когда потерялась вторая партия провианта, и, пользуясь тем, что у меня оказалось сразу два переводчика, я попросил Шакера съездить в его родную Басру и разыскать пропавший груз. Только он уехал, как до меня дозвонились из Багдада: до министерства дошло, что у меня появился лишний переводчик, и Каиса теперь вызывали обратно в столицу.

Каису давно надоело «это захолустье», и он поспешил укатить в тот же вечер. И когда на другое утро ко мне в номер постучал отряд рабочих и водителей, говоривших только по-арабски, я оказался совсем без переводчиков. Даже Али и Мухаммед куда-то запропастились. Между тем на дороге перед гостиницей выстроился караван грузовиков с полными кузовами сухого золотистого берди, и прибывшие ждали моих распоряжений. Я поспешил открыть железные ворота в Сады Эдема, где рабочие копали траншеи, и грузовики один за другим стали протискиваться между кирпичными столбами.

В жизни я не видел столько грузовиков, трейлеров и бульдозеров. Правительство закупило их тысячами, и, получив распоряжение Багдада помочь мне с доставкой берди из района Эль-Гассара, мэр Эль-Курны отрядил целый автобатальон, чтобы управиться с заданием в один день. В разгар этой челночной операции на тесной лужайке около гостиницы скапливалось подчас до девяти машин, водителям которых не терпелось поскорее сбросить груз. Они загораживали путь друг другу, катили прямо по сгруженным ранее ломким стеблям, я бегал от машины к машине, водители зло перебранивались между собой по-арабски и весело улыбались мне, с легким сердцем пропуская мимо ушей мои команды на различных, одинаково непонятных для них европейских языках. Ковыляя по стеблям и размахивая руками, я к вечеру совершенно вымотался. Наконец, уже на закате, я остался один в обществе протекающей мимо Адамова древа безмолвной реки. Кирпичные столбы основательно пострадали от грузовиков, и вся лужайка представляла собой сплошное нагромождение камыша. Ступить негде – не то что строить ладью.

Только закончилась заброска просушенного на солнце берди, как на другое утро появился, словно из сундука иллюзиониста, Гатаэ со своей бригадой. С таким умом, как у него, языковые проблемы не могли служить неодолимым препятствием. Мухаммед, как мог, переводил мои указания, и болотные арабы поразительно быстро и ловко связали из камыша тугой бунт восемнадцатиметровой длины. Но вот неожиданность: толстый бунт – одному человеку никак не обхватить – оказался настолько тяжелым, что, по расчетам Гатаэ, понадобилось бы человек восемьдесят, чтобы поднять его и перенести на стапели. Стало очевидно, что для корпуса надо заготовить связки потоньше и числом побольше.

Когда вернулся Шакер, успешно выполнив свое задание, мы отвели целиком два дня на то, чтобы уложить берди поблизости от строительной площадки в штабели высотой примерно в рост человека и с таким просветом, чтобы между ними можно было свободно пройти. Поврежденные стебли свалили на берегу; часть унесли старухи на топливо, а остальные в два счета превратились в целую флотилию речных плотов с экипажем из резвящихся мальчишек и девчонок.

Добыть в Ираке материал для стапелей оказалось не так-то просто. Древнейшие изображения и плитки с письменами свидетельствуют о том, что первоначально страна шумеров была лесистой, однако леса постепенно свели, и лесоматериалы, как это следует из клинописных перечней грузов, стали одной из важнейших статей импорта. В наши дни стоимость привозных балок и досок так высока, что мы были счастливы, обнаружив на подходах к порту Басры небольшой лесосклад, где продавались длинные шесты и рейки, заготовленные в горных лесах на севере страны. Нам нужны были сотни реек, и мы постарались выбрать наименее кривые и сучковатые. Поднаторевший в строительстве военных переправ Эйч Пи сумел из этого материала соорудить для сборки корпуса крепкие стапели под стать габаритам и форме будущего судна. Сложнее оказалось раздобыть доски для сходней, по которым должны были подниматься строители. В готовом виде корпус должен был состоять из двух прочно связанных вместе бунтов, достигающих трехметровой толщины посередине. Нос и корма, сужаясь, поднимались метров на шесть – попробуй дотянись без лесов!

Видно, лампа Аладдина все еще работала на нас, потому что в самую нужную минуту два грузовика привезли и сбросили у ворот старые доски и планки. До европейцев, занятых на разных стройках по берегам реки, доходили странные слухи о нашей затее. Будто бы мы заготовили тонны камыша и воздвигаем на лужайке у гостиницы строительные леса, намереваясь строить бумажную фабрику! Между тем выше по течению и впрямь сооружалась бумажная фабрика с участием немецких специалистов, и однажды к нам явилась оттуда небольшая делегация. Мы объяснили, что строим камышовую ладью и в составе команды будет их соотечественник. А ниже по течению, южнее Басры, только что закончили стро-

ительство цементного завода датчане. Навестив нас, они услышали, что со мной пойдет в плавание их земляк.

В итоге мы получили горы досок и планок, которые в нынешнем Ираке, как и во времена шумеров, ценились на вес золота.

Архитектурное совершенство и элегантные линии деревянной конструкции Эйч Пи, право же, позволяли называть ее шедевром. Но едва мы приготовились пустить в дело аккуратно сложенный поблизости берди, как появились одетые в европейские костюмы арабы с мерными лентами в руках и принялись деловито расхаживать между штабелями камыша.

Чувствуя, что пахнет новыми осложнениями, я подошел и деликатно справился, в чем дело. Ничего особенного, сэр, просто здесь намечено заложить фонтан. Берди придется убрать отсюда, перенести в другое место, потому что этот участок предназначен для фонтана.

– Фонтан? – переспросил я. – Неужели нельзя подождать с фонтаном, пока мы не построим ладью?

Нет, фонтан никак не мог подождать.

– Но ведь вон там, между деревьями через дорогу, есть большой бездействующий фонтан! – сказал я. – Почему бы вам его не наладить?

Я показал на сто лет не видевшую воды, заброшенную конструкцию с ржавыми трубами в полусотне метров от нашей ограды.

Нет, фонтан непременно нужен здесь. Нам великодушно дали неделю срока на то, чтобы освободить середину лужайки от камыша. Наш тучный и могущественный друг мэр Эль-Курны приветливо разъяснил, что это очень важный фонтан.

Мы потратили еще день на то, чтобы перенести ломкие стебли подальше от стапелей и поближе к Адамову дереву, расчищая участок для фонтана. Затем из Эль-Курны пришли с кирками и лопатами два преклонного возраста труженика и принялись копать круглую ямину шириной с небольшой плавательный бассейн. Углубившись в грунт на полметра, они исчезли, и все то время, что мы пребывали в Садах Эдема, больше тут ничего не происходило. Но как не пожалеть наших собственных рабочих, подносчиков камыша, которые должны были с грузом на голове ковылять через яму по пути от Адамова дерева к стапелям!

Календарь напомнил мне, что совсем близок день, когда из Южной Америки придут индейцы племени аймара, чтобы собирать судно из связок, подготовленных арабами. Только индейцы умеют строить серповидные суда, которые не опрокидываются и не теряют своей формы под ударами океанских волн. Болотные арабы по-прежнему мастерски делают всякие вещи из камыша, но вот искусство конструировать суда из камышовых связок здесь забыто, как забыто оно в Египте и в других центрах древней цивилизации, за одним существенным исключением: тонкое умение строить корабли из стеблей полностью сохранилось в окрестностях развалин самой величественной из древнейших культур Южной Америки – культуры Тиауанако. На высокогорном озере Титикака в Андах индейцы племен аймара, кечуа и уру в наши дни строят суда, подобные древним ладьям Египта и Двуречья. Когда испанцы, открыв Америку для Европы, дошли до этих мест, обитавшие в районе озера индейцы рассказали им, что впервые такие ладьи появились здесь во времена предков, с приходом чужеземцев, которые, обосновавшись в Тиауанако, соорудили исполинский храм в виде ступенчатой пирамиды и воздвигли огромные каменные изваяния, однако потом враждебные племена вытеснили этих пришельцев в приморье, и они ушли в Тихий океан.

По словам индейцев, во главе чужеземного народа стоял священный правитель Кон-Тики, он же Виракоча, что на языке кечуа означает «морская пена». Кон-Тики называл Солнце своим родоначальником; он повелел, чтобы его предков изображали в керамике и на каменных рельефах человеческими существами с птичьей головой и крыльями. Однако сам Кон-Тики и его рослая свита были самые настоящие люди, такие же светлокожие и борода-

тые, как испанцы, только одеты по-другому, в перехваченных поясом длинных просторных облачениях, на ногах – сандалии.

Обнаружив древние каменные скульптуры и золотые статуэтки, изображающие Кон-Тики-Виракочу именно таким, каким его описывали индейцы, испанские завоеватели решили, что некий апостол из Священной земли до них пересек Атлантику; ведь такую точно историю им рассказали, когда они впервые высадились в Мексике. Среди ступенчатых священных пирамид и огромных каменных статуй ацтеки приветствовали Кортеса в Мексике так же, как инки приветствовали Писарро в Перу. И поведали европейцам, что задолго до них через Атлантику приплыли светлокожие бородатые люди в длинных одеяниях и научили предков ацтеков и майя воздвигать пирамиды и поклоняться солнцу; они же принесли с собой иероглифическое письмо и другие достижения цивилизации, оставшиеся неизвестными первобытным индейским племенам к северу от Мексики и к югу от Андской области в Южной Америке. Зато в пределах пояса жарких дождевых лесов Центральной Америки повсеместно обнаружены развалины – следы забытой цивилизации, приписываемые местными индейцами бородатым светлокожим чужеземцам, чей предводитель называл себя потомком Солнца. В каждой из стран этой области он был известен под другим именем. Ацтеки называли его Кецалькоатль, майя – Кукулькан, инки – Виракоча. Первое время испанцы совсем запутались, настолько, что в Мексике их монахи признали в Кецалькоатле святого Фому, а в Перу учредили орден Святого Варфоломея, воздавая почести большой статуе бородатого Кон-Тики-Виракочи в Кане к северу от озера Титикака.

По преданию, на маленьком острове среди названного озера, известном теперь как остров Солнца, светлокожий правитель и его бородатые спутники сочетались браком с местными женщинами. Затем они, плывая на камышовых лодках, насаждали цивилизацию среди индейцев племени уру и воздвигли величественный культовый и культурный центр Тиауанако.

С тех самых пор искусство вязки камышовых лодок сохраняется среди местных жителей, располагающих для строительства только камнем, камышом и глиной. Индейцы племени уру, которым ранее были подвластны все здешние земли вплоть до берегов Тихого океана, не только вяжут лодки из камыша – они живут в камышовых домах на плавучих камышовых островах, совсем как болотные арабы Южного Ирака.

В Африку я привозил с Титикаки четверых индейцев племени аймара. Руководствуясь опытом, приобретенным на штормовом внутреннем море в горах, они связали мне папирусную ладью «Ра II», которая вынесла все испытания и в полной сохранности пересекла Атлантический океан. Но когда ладью затем доставили в музей Кон-Тики в Осло и набухшие от воды связки начали просыхать, гордое суденышко поникло, точно пальто без вешалки, и ни ученые, ни местные мастера не могли вернуть былую осанку серповидной конструкции. Древняя техника вязки была настолько хитроумной, что наши наблюдения в период строительства не помогли; пришлось руководству музея приглашать все тех же индейцев с переводчиком в Осло, чтобы они восстановили ладью. Зная, что никто не сравнится с ними в искусстве камышового судостроения, я теперь решил просить их, чтобы они снова пересекли Атлантику, на сей раз курсом на Ирак.

Хотелось бы начать плавание и выйти из Аравийского залива до начала зимних дождей; стало быть, индейцам следовало приступить к работе возможно скорее после просушки срезанного в августе камыша. Но в сентябре в болотном краю еще стоит сильная жара, а индейцы племени аймара привыкли к прохладному разреженному воздуху, живя на своем озере на высоте 3,5 тысячи метров, в окружении снежных вершин. Столь резкая перемена климата могла оказаться пагубной. Надо было повременить с их приездом, пока не спадет зной, к тому же позаботиться о постепенной акклиматизации. Вот как мы поступили: с голого островка на озере Титикака переводчик проводил индейцев в боливийские дождевые

леса в истоках Амазонки, там они две недели отдыхали, привыкая к теплему воздуху, после чего вместе с моим мексиканским другом Германом Карраско, будущим участником экспедиции, вылетели из Ла-Паса в Багдад.

Министерство информации Ирака любезно предложило установить кондиционер в предназначенном для них номере на втором этаже гостиницы. С окна на первом этаже сняли аппарат, похожий на клетку для канарейки, и перенесли наверх. И начались мои мытарства. Целыми днями кондиционер висел, не подавая никаких признаков жизни, словно и впрямь речь шла о заброшенной клетке, потом вдруг принимался рычать, как будто в нем поселились лютые тигры, или же рокотал и дергался, точно вертолет, тщетно пытающийся оторваться от земли. Наконец, в тот самый день, когда прибыли индейцы, случилось чудо: из страховидного ящика в пустую комнату вырвался леденящий ветер.

К этому времени тихий приют на берегу реки успел превратиться если не в сумасшедший дом, то, во всяком случае, в нечто вроде перенаселенного морского курорта. Первыми в гостиницу ввалилась обвешанная со всех сторон камерами и треногами пятерка арабов-телевизионщиков из Багдада, которые тотчас принялись целиться в нас своими объективами из-за каждого угла. Их устраивал только номер Шакера, и он перешел в комнату к директору и инженеру. Не успели они разобрать свои вещи, как другая пятерка, операторы Би-би-си, оккупировала вестибюль и заставила все лестницы и коридоры несметным количеством ящиков, сумок и жестяных коробок, пока их арабские коллеги не согласились любезно освободить бывший номер Шакера и занять комнату на втором этаже рядом с «вертолетной базой», бронированной мной для индейцев. Следующим прибыл учтивый, безупречно владеющий английским языком, тихий молодой араб – Рашад Назир Салим, студент-искусствовед из Багдада. По рекомендации Норвежского консульства он должен был представлять Ирак в составе моей команды. На первый взгляд столь утонченная натура не очень-то подходила для опасного морского предприятия, но я все же вселил Рашада к Эйч Пи. Дальше один за другим стали появляться какие-то потные, усталые субъекты, мечтающие о холодном пиве, ванне и кровати после семичасовой тряски на багдадском такси под палящим солнцем. Немецкий журналист. Фоторепортер из США. Газетчик из Багдада. Шведский журналист. Два норвежских репортера. Еще один немец. Потом я сбился со счета. Кроткий директор гостиницы всех привечал и несколько человек разместил в кладовой на матрацах между горами постельного белья, которое грозило обрушиться на постояльцев от громкого храпа.

Казалось, стены гостиницы «Сады Эдема» оттопыриваются от напора изнутри, а ведь еще не приехали главные действующие лица. Кроме индейцев из Южной Америки ожидалось трое индийских кормчих из Бомбея, не говоря уже о членах экспедиции, уроженцах Азии, Европы и Америки. В отчаянии я связался по телефону с Багдадом; из министерства ответили, что страна по-прежнему закрыта для туристов и журналистов, однако власти, верные своему слову, впускают всякого, кто ссылается на меня. Мне пообещали впредь руководствоваться составленным мною списком, но предупредили, что из Багдада уже едут в Эль-Курну еще репортеры...

Было условлено, что через знойную равнину индейцев провезут к нам ночью. В жаркий полдень перед битком набитой гостиницей остановилась многоместная легковая машина, из которой выбралась пятерка коренастых коротышей в тяжелых шерстяных пончо и вязаных шапочках с наушниками. Они молча обняли меня – так у аймара принято приветствовать вождей, и так они в Осло обнимали норвежского короля, – поздоровались с остальными за руку и поднялись следом за мной на второй этаж. Каждый нес в руке маленькую сумку, и я знал, что в сумке лежит озерный голыш и деревянный крючок: единственный инструмент, которым они пользовались, работая с камышом и веревками. Войдя в номер, вся пятерка замерла перед благодатным ящиком, рычащим голосом белого медведя. Пока

они наслаждались прохладой, я рассматривал сияющие радостной улыбкой знакомые лица. Паулино Эстебан и братья Хуан, Хосе и Деметрио Лимачи – индейцы племени аймара с острова Сурики на Титикаке; пятым был их боливийский переводчик Луис Себальос Миранда, сотрудник Музея Тиауанако в Ла-Пасе.

Стоические лодочные мастера не проявили никаких эмоций при виде нескончаемых штабелей камыша в Садах Эдема. Но перед Адамовым древом они почтительно остановились и обнажили черноволосые головы. После чего снова обратились лицом к берди. Взяли несколько стеблей, разломали на мелкие куски и невозмутимо вынесли приговор: для строительства судна не годится. Наши местные друзья, болотные арабы во главе с Гатаэ, окружив нас любопытствующим кольцом, смотрели на заморских коротышей, как на пришельцев с другой планеты. С удивлением слышали они, что племя этих лодочных мастеров называется аймара, но еще больше изумили их мои слова, что соседи аймара зовут себя уру и живут на плавучих островах, совсем как здешние арабы. Названия-то какие знакомые: Амара – один из соседних городов, и до развалин Ура не так уж далеко!

Гатаэ попросил меня объяснить индейцам, что сейчас камыш и впрямь ломкий, как бумага, но стоит его намочить, и он будет тугим и гибким, не хуже каната. Известное дело, сказали индейцы, такими же свойствами обладает камыш тотора на озере Титикака. Да только все равно берди не годится. Взять тотору – у нее сплошной ровный стебель, как и у папируса, из которого они вязали для меня «Ра II» в Африке. Папирус даже толще и лучше, чем тотора. А тут стебель расходится, как у травы, на тонкие листовые пластины, неизвестно, как и подступиться.

И индейцы поспешно ретировались в свою прохладную комнату с рокочущим ящиком. Как бы не надумали возвращаться домой!

И ведь они правы: разница большая. Нам предстоял совершенно новый эксперимент. Только сладковатый запах да рыхлая сердцевина сближает все три материала. У тоторы и папируса сердцевина плотно обтянута тонкой водонепроницаемой кожицей; от корня до зонтиковидного соцветия наверху тянется прямой трехгранный стебель. А у берди кожица и сердцевина свернуты в несколько слоев, как у луковицы; овальный в основании стебель раскрывается кверху длинными острыми листовыми пластинами. Правда, глянцевиная кожица такая же водонепроницаемая, как у папируса, но у берди есть то преимущество, что нет нужды обрезать верхушку, так что вода может просочиться только с нижнего конца, тогда как обрезанные внизу и вверху стебли папируса и тоторы впитывают воду с обоих концов.

Под вечер, когда поунялась жара, индейцы спустились из своей комнаты, чтобы еще раз взглянуть на камыш. У сеньора Себальоса уже был опыт посредничества, и с его помощью мы с Гатаэ сумели убедить титикакских мастеров, что от них требуется только проследить за сборкой корпуса из готовых элементов, а болотные арабы сами подготовят по их указаниям связки нужной величины.

Едва ли не самыми радостными за весь экспедиционный период были для меня эти дни, когда на моих глазах между индейцами и болотными арабами, как только они вместе взялись за работу, сразу возникла дружба и взаимное уважение. Сеньор Себальос и четверо титикакцев с явным удивлением и одобрением смотрели, как арабы, отбирая лучшие стебли, туго-натуго связывают их в такие ровные и плотные пучки, что получается несколько не хуже пучков из отборной тоторы. Наши аймара пришли к выводу, что иракские арабы в работе с камышом явно превосходят марокканских – не даром они прямые потомки Адама!

Первый день индейцы обращались со своими пожеланиями к сеньору Себальосу на языке аймара, он переводил мне на испанский, я – мистеру Шакеру на английский, а уже Шакер объяснял арабам, что от них требуется. Однако эта громоздкая система функционировала недолго. Выйдя на другое утро из гостиницы, я увидел, что индейцы в пончо и вязаных шапках и арабы в бурнусах и халатах сидят на корточках вокруг длинного мата,

который плели вместе. Они переговаривались, кивали, улыбались, передавали друг другу веревки, стебли и прочие вещи – словом, царило полное взаимопонимание, как будто те и другие вдруг овладели в совершенстве эсперанто. Я постоял под пальмой, не веря своим глазам, потом подошел ближе и прислушался... На каком это языке они так свободно объясняются? Мой слух не улавливал ни одного знакомого слова. Дождавшись Себальоса и Шакера, я выяснил, что индейцы говорят на языке аймара, а арабы – на своем арабском. Между этими двумя языками столько же сходства, сколько между китайским и английским, но наших мастеров объединяли житейский опыт, камыш и живой ум.

Гости с озера Титикака объявили, что с такими отличными ребятами, как болотные арабы, они готовы построить судно любых размеров. А Гатаэ, сияя от удовольствия, сказал, что его землякам в жизни не доводилось работать с такими приятными и знающими людьми, как эти южноамериканские джентльмены. Прошел еще один день, и я увидел, что степенный рослый Гатаэ щеголяет в коротком коричневом пончо и вязаной шапочке, а Себальос и его коренастая бригада облачились в белые халаты и чалму – привидения, да и только, смеху не оберешься! Индейцы непрестанно путались в полах длинных одеяний; Гатаэ без конца чесался, томясь от жары. Мы постарались добыть в Басре соломенные шляпы для индейцев, но на другой же день они опять напялили свои шерстяные шапочки с длинными наушниками.

В день первого знакомства индейцы без всяких переводчиков научили арабов плести особые маты, которыми предстояло туго обтянуть два главных бунта – две половины корпуса нашей ладьи. Гладкие маты длиной во весь корпус были сплетены так, что стебли смотрели в одну сторону и ни один кончик не торчал наружу. Это важно и для обтекаемости, и для большей водонепроницаемости. Когда было изготовлено несколько таких матов длиной восемнадцать метров и шириной около метра, три десятка рабочих осторожно один за другим отнесли их и уложили на стапели. Теперь эти огромные «колбасные шкурки» предстояло набить начинкой из плотных связок. Я подсчитал, что на корпус уйдет тридцать восемь связок шестидесятисантиметровой толщины; просветы между ними заполним тонкими пучками. Арабы и индейцы работали так споро, что в день вместо одной, как предполагалось, успевали делать по три большие связки. Каждая из них длиной намного превосходила собственную длину корпуса – ведь концы должны были загибаться кверху, образуя подобие серпа.

Немало поломали мы голову над другим вопросом: применять или не применять асфальт? Ученые напирали на то, что найденные в Уре модели шумерских судов густо обмазаны асфальтом. Духовные лица напоминали мне, что Моисей был найден в обмазанной смолой корзине на реке Нил, а Ной спас своих пассажиров, промазав таким же способом камышовую обшивку своего корабля. Но Гатаэ, как и старик Хаги до него, уверял меня, что бунты и без того будут отлично держаться на воде. Мы изготовили на пробу две одинаковые связки 3,5-метровой длины и отвезли одну из них в деревню лодочных мастеров Хуваир, к рыжеволосому голубоглазому арабу, который славился своим умением промазывать машхуф. Просто диво, до чего быстро и искусно он работал, обходясь теми же приемами и таким же инструментом – деревянной лопаточкой и скалкой, – какими пользовались его братья по ремеслу пять тысяч лет назад! Асфальт для промазки добывался в природном месторождении выше по течению Тигра.

Мастер смазал нашу связку по всем правилам, и мы установили, что к ее собственному, не такому уж значительному, весу прибавилось около шестидесяти килограммов черного битума. После этого обе экспериментальные связки – с защитным покрытием и без него – погрузили рядом друг с другом в реку, придавив кирпичами и железным ломом. Им предстояло лежать на дне около полутора месяцев, пока не будет готова ладья.

Одновременно с этим экспериментом Эйч Пи произвел свой собственный опыт. Срезав верхушку у нескольких прозрачных пластиковых бутылок, он наполнил одни пресной, другие соленой водой, засунул в них торчком обрезанные куски берди и поставил в моей комнате. Некоторые стебли он туго связал вместе бечевкой. Тростинки плавали так хорошо, что даже целый трехметровый стебель стоял в воде прямо, не касаясь дна. Нельзя, однако, сказать, чтобы результат опыта внес какую-то ясность. На третий-четвертый день кое-какие стебли начали вылезать из бутылок, видимо, потому, что разбухло основание. Эйч Пи сразу воодушевился и предположил, что под конец плавания мы будем парить над океаном не хуже дирижабля. Правда, через несколько недель тростинки все же малость погрузились; только те, что стояли в соленой воде, остались на прежнем уровне.

Более сложная проблема с водой возникла на суше, как только индейцы начали собирать корпус ладьи.

– Маку маи! (Нет воды!)

Первые арабские слова, которые я заучил. В ответ с крыши гостиницы раздавался радостный голос нашего арабского друга, инженера Рэмзи:

– Аку маи! (Есть вода!)

Без воды хрупкие, как спичка, стебли берди ломались при сгибе. А зеленый берди и вовсе не годился для строительства, потому-то камыш сперва высушивали на солнце, потом смачивали сверху, чтобы он стал гибким и можно было делать из него маты и связки. Находящиеся выше по течению Тигра Багдад и другие большие города настолько загрязняли реку, что мы боялись испортить высушенный камыш этой водой. Первые дни мы все же пользовались ею, но затем мистер Рэмзи нашел выход. По его распоряжению из Басры доставили две цистерны и установили с великими трудностями на крыше гостиницы. Насос накачивал в них очищенную питьевую воду из Эль-Курны, и теперь сеньор Себальос мог с утра до вечера spryskivatsya стебли и связки. Однако те же цистерны питали гостиничный водопровод, а потому работающая с полной нагрузкой кухня и перенаселенные номера соперничали с тонким резиновым шлангом в руках Себальоса.

– Маку маи! – отчаянно кричали мы, когда у нас под ногами начинали хрустеть сухие стебли.

– Аку маи! – доносилось минутой позже с крыши, где орудовал разводным ключом коротышка-инженер.

Сразу после этого радостного известия нередко можно было услышать яростный вопль какого-нибудь журналиста или телерепортера, который в это самое время стоял, весь в мыле, под бастующим душем. Я так боялся потерять мистера Рэмзи, что однажды утром, когда он задумал на денек укатить в Басру, буквально вытащил его из машины.

Перед нашим въездом в «Сады Эдема» Министерство информации великодушно предложило вообще закрыть гостиницу для всех, кроме членов моей экспедиции. Я не согласился, зная, что просторный зал ресторана и терраса с видом на реку – любимое место здешнего люда. По вечерам и в дни мусульманских праздников приходили сюда мэр и другие деятели из Эль-Курны, собиралось множество учителей из болотного края, чтобы выпить холодного иракского пива или чашку чая. А для туристов страна и без того была закрыта, но я забыл про десятки тысяч иностранцев, работающих в Ираке по межправительственным соглашениям на промышленных объектах в районе Багдада и Басры, на нефтяных промыслах. Стоило местному телевидению показать, что в Садах Эдема работают южноамериканские индейцы, как на нашу лужайку повалили толпы гостей. Русские, японцы, немцы, поляки шли в гостиницу освежиться холодным пивом; Али и Мухаммед выключали воду в уборных, а Рэмзи переключал ее на наш шланг, и начинался нескончаемый внутренний конфликт.

– Маку маи! Аку маи! Аку маи!

В такой вот сумятице под знойным солнцем рождалась наша ладья. Тридцать рабочих вваливали на плечи очередную восемнадцатиметровую связку, и длинное шествие наподобие китайского фестивального дракона извивалось между пальмами и штабелями камыша. Поднимут связку на ажурные стапели и запаковывают в огромный плетеный чулок.

Жара пошла на убыль. С прибытия индейцев в начале октября прошло три недели, и могучий корпус ладьи из двух параллельных бунтов был в основном готов. В широкий просвет между двумя бунтами незримым хребтом должен был лечь третий – главный секрет хитроумной конструкции необычного судна.

И с каждым днем все сильнее ощущалась нужда в трех специалистах по дау, которые давным-давно должны были прибыть из Бомбея. Без них нельзя было начать изготовление специфического паруса из припасенного мной материала. Дау ходят в здешних водах с незапамятных времен, и паруса их напоминают поставленный наклонно египетский парус. Речь идет, несомненно, о переходной форме между древнейшим доисторическим типом и современным латинским парусом. Было очень важно располагать такой конструкцией для нашего эксперимента, однако гамбургский мастер не знал, как ее шить.

Я проехал по берегам реки вплоть до Аравийского залива, побывал даже в Кувейте в поисках кормчих, которые, во-первых, помогли бы нам оснастить ладью, во-вторых, провели бы нас через частокол рифов и танкеров в открытый океан. Увы, все владельцы дау давно срубили мачты и поставили моторы, поскольку горючее в странах по берегам залива сравнялось в цене с ветром. Всюду мне отвечали одно и то же: в наши дни только индийские и пакистанские дау ходят под парусом.

Двадцать лет назад и Шатт-эль-Араб, и Тигр белели парусами открытых дау, доставлявших в Басру финики с плантаций. Теперь эти гордые парусные суденышки увидишь только на фабричном знаке, украшающем коробки с иракскими финиками.

Когда я впервые приехал в Ирак, индийские парусные дау совершали регулярные рейсы между Бомбеем и Басрой, однако это сообщение временно остановили, борясь с контрабандой. Индийский консул в Басре обещал мне раздобыть трех кормчих дау через профсоюз моряков в Бомбее, но не успел довести дело до конца, как его отозвали из Ирака. Я решил было сам отправиться в Бомбей и подобрать нужных людей, но куча неотложных дел не позволяла оставлять строительство. В конце концов представители Би-би-си вызвались найти для меня специалистов по дау через Бомбейское агентство по найму моряков. Мне требовалось три человека, досконально знающих условия плавания в Аравийском заливе, и чтобы по меньшей мере один из них объяснялся по-английски.

Из Лондона телеграфировали, что три человека наняты и вылетели из Бомбея. Прошло две недели, а индийских кормчих нет как нет. Новая телеграмма сообщила, что они застряли в Нью-Дели в ожидании иракской визы.

Пока Би-би-си и Бомбейское агентство разыскивали пропавших, начали прибывать основные члены экипажа. Они должны были помочь со спуском ладьи на воду и монтажом надстроек. Пока Эйч Пи вылетел в Норвегию, чтобы передохнуть и охладиться перед стартом, роль моей правой руки на верфи взял на себя Детлеф Зоицек, молодой капитан торгового флота, с которым я познакомился в ФРГ. После него прибыли три опытных мореплавателя, ходившие вместе со мной на «Ра I» и «Ра II»: штурман экспедиции Норман Бейкер из США, врач Юрий Сенкевич из Советского Союза и итальянский альпинист Карло Маури. Еще через несколько дней мы встретили остальных новичков: специалиста по подводным съемкам Тору Судзуки из Японии; моего друга вечного бродягу Германа Карраско, который успел возвратиться в Мексику после того, как доставил индейцев из Боливии в Ирак; молодого датчанина из Всемирных колледжей Асбьёрна Дамхюса и совсем незнакомого мне американца Норриса Брока – кинооператора, прикомандированного к нам Национальным гео-

графическим обществом США в качестве, так сказать, независимого наблюдателя. Все как один – отличный, крепкий народ.

Во второй день ноября, когда мы, сидя в ресторане за большим общим столом, смаковали превосходный ужин, вошел Али и сообщил, что нашлись пропавшие индийские кормчие, стоят все трое со своими вещами в гостиничной конторе. Бросив еду, мы радостно поспешили в контору, чтобы приветствовать своих долгожданных товарищей по первому этапу намечаемого плавания. Наконец-то! Смуглые, самые настоящие кормчие из Индии! Я воспринял их как давних знакомцев и представил своим друзьям: Салеман Тайяб Чангда, Ибрахим Харун Содха, Абдул Алим Васта. Помыли руки с дороги – и в ресторан. Мы приставили еще один столик, и новоприбывшие вместе с нами принялись воздавать должное аппетитным блюдам, подаваемым Али и Мухаммедом. Преодолев начальное смущение, индийцы обрадовались такому дружескому приему. Положили себе по половине жареного цыпленка и стали открывать пиво банку за банкой. Салеман, говоривший по-английски, переводил для своих товарищей.

К языкам аймара, арабскому, японскому, русскому и целому набору западноевропейских теперь добавился индийский, и кто-то предложил, чтобы мы бросили всю эту затею с камышовой ладьей, а вместо этого занялись восстановлением Вавилонской башни, благо до нее недалеко. Отстроим башню заново и откроем наверху школу эсперанто. Наша интернациональная компания веселилась от души, и Мухаммед еле поспевал приносить полные банки пива и выносить на террасу пустые. Куда он их там деваает? Проследовав за ним, я увидел, что он выбрасывает пустые банки в реку.

– Мухаммед, – сказал я, – вы тут, как я погляжу, весь мусор отправляете в Тигр. И куда же, по-твоему, доплывут эти банки?

Он весело улыбнулся:

– В Америку!

Трое новоприбывших устали с дороги, к тому же успело стемнеть, и мы решили перенести на завтра их знакомство с нашим судном. Все гостиничные номера и даже вестибюль с прилегающим к нему баром были заполнены кроватями и матрацами, и пришлось уложить индийскую троицу на раскладушках, втиснутых между горами стреляющего бамбука и бухтами канатов в нашей кладовке.

На другой день я разбудил их чуть свет. Прямо в пижамах они поднялись вместе со мной по лестнице на плоскую крышу гостиницы. Здесь открывался великолепный вид на реку и на лужайку. В бледном свете занимающегося дня наша серповидная ладья смотрелась изумительно – словно золотистый месяц на время приземлился на берегу Тигра, чтобы вскоре снова тронуться в путь. Под руководством индейцев в последние дни была завершена самая трудная часть всей работы: две огромные половины корпуса соединены в одно целое. Оба бунта из множества связок, туго обтянутых камышовой оплеткой, сохраняли круглое сечение, а разделявший их просвет, из-за которого каждая половина казалась отдельным челном, теперь заполнила тонкая связка, своего рода позвоночный столб всей конструкции, соединенный с двумя бунтами от носа до кормы непрерывной спиралью из полудюймовой пеньковой веревки длиной в несколько сот метров. Спиральными витками центровую связку скрепили сперва с одним, потом с другим бунтом. Затягивали веревку общими усилиями всех рабочих, с применением блоков и талей, и боковые бунты, постепенно сближаясь, стиснули среднюю связку так крепко, что она совсем скрылась между ними. Получилось нечто вроде катамарана из двух спаянных вместе корпусов.

Трое невыспавшихся кормчих из Индии долго смотрели с крыши на красавец корабль, которому недоставало только надстроек и рангоута с такелажем. Казалось, они не находят слов, чтобы выразить свой восторг. Наконец Салеман медленно вымолвил:

– А где же мотор?

– Мотор? – удивился я. – Никакого мотора не будет!

– А как же лодка пойдет? – полюбопытствовал Салеман.

– Под парусом, разумеется. Разве вы не ходите на дау под парусом? – спросил я, глядя на смуглую тройку, созерцавшую мою ладью.

– Мы ходим на дау, – спокойно подтвердил Салеман. – Но наши дау – моторные.

Ни один из них не умел плавать под парусом! Вот так так... Ладно, хоть будут лоцманами, помогут провести ладью через Аравийский залив. Сколько раз доводилось им ходить от Бомбея до Басры?

До Басры? Салеман поглядел на Ибрахима, Ибрахим – на Абдула. Никто из них не ходил до Басры.

Ну что тут поделаешь! Придется отсылать их обратно в Бомбей. Индийцы с видимым облегчением восприняли мое решение; глаза их выражали явный ужас, когда они напоследок еще раз посмотрели с крыши на камышовое суденышко.

Однако прежде, чем отправить всю троицу в обратный (увы, не такой уж дешевый!) путь, меня осенило, что Салеман с его английским языком еще может нам пригодиться. В Басре мы видели стоящие на якоре большие индийские дау, да только все наши попытки наладить контакт с их праздными экипажами ни к чему не приводили, потому что эти люди не знали арабского языка, не говоря уже о европейских. Может быть, кто-нибудь из них знаком с парусным делом, тогда Салеман послужит переводчиком.

В тот день вечером члены экспедиции были приглашены в Басру на званый обед, устроенный в нашу честь ректором университета, а наш штурман Норман Бейкер вызвался еще до обеда съездить вместе с индийцами в гавань Басры, чтобы там потолковать с их соотечественниками. Советское Генеральное консульство предоставило Юрию замечательную новую русскую машину, и Шакер сказал, что отвезет Нормана, а мы отправились в университет на микробусе.

Долго мы ждали Нормана и его четверых спутников в университете, наконец сели за стол без них. Одно арабское пряное блюдо сменяло другое; внезапно озабоченный официант ввел в зал какого-то странного человека, смахивающего на привидение. На сплошном белом фоне – два красных пятна: ухо и нос, притом красные от ссадин. Это был Норман. Весь обмотанный бинтами, он остановился в дверях, ожидая, когда его представят хозяевам.

– Что случилось?! – в ужасе воскликнул я.

– Машина перевернулась, три оборота успела сделать, – пробурчал Норман.

– А где индийцы?

– В больнице, на обследовании.

– А Шакер?

– Шакер в полиции. Он ведь сидел за рулем.

– А что с новой машиной советского генерального консула?

– Машина вдребезги, лежит там на обочине колесами кверху.

Норман отделался ушибами; бинты на лице не помешали ему дать работу челюстям и доказать, что его знаменитый аппетит нисколько не пострадал. Однако злополучные индийцы, явившись немного погодя, есть отказались. У одного была повреждена нога, у другого голова, у третьего спина, и все трое умоляли меня об одном: с первым же самолетом отправить их домой в Индию. Что я и сделал, как только связался по телефону с Багдадом. Они вылетели из Ирака курсом на Индию, но в пути где-то потерялись и в Бомбейское агентство по найму больше не показывались.

Но как же нам все-таки быть? Близится зима, уже – на месяц раньше обычного – прошел небольшой дождь, через несколько дней надо спускать ладью на воду, а Норман, положившись на отчет Саутгемптонского университета об испытании пластиковой модели, настаивал на том, что нужен парус большей площади и нужны рулевые весла пошире тех,

которые мне изготовили в Гамбурге. У нас были припасены полотнища для парусов, какими вооружают дау, да только некому их шить, и Норман предложил отставить эту идею, а полотнища пустить на увеличение готового паруса.

– Элементарное дело, – сказал он и взял на прицел лучший из наших двух парусов.

Речь шла о прочном, обшитом ликтросом парусе из толстых полотнищ площадью шестьдесят квадратных метров, с кренгельсами, в которые продевают снасти для лавирования. Второй, подсобный, парус предназначался для ускорения хода при умеренных попутных ветрах, когда можно не бояться опрокидывания. Его тоже сшили из египетского хлопчатобумажного полотна, но намного тоньше; площадь – целых восемьдесят квадратных метров.

Нам удалось найти в Хуваире старых парусных мастеров, и Норман распорол посередине наш лучший парус, чтобы вставить дополнительное полотнище, сохранив в неприкосновенности ликтросы и кренгельсы. Куски распоротого паруса и запасную парусину расстелили на полу столовой, и мастера полдня колдовали над ними, после чего объявили, что у них ничего не получается – нынешний инструмент уже не тот. «Очень жаль, – ответил я, – тогда восстановите парус, как был».

Увы, сколько ни трудились арабские мастера вместе с Норманом и Эйч Пи, который к этому времени вернулся из Норвегии, привезя с собой специальные иглы и рукавицы, им никак не удавалось вернуть первоначальный вид распоротому парусу. А тут начались дожди, время не позволяло отправлять его для реставрации обратно в Гамбург. Хочешь не хочешь выходи в плавание под рассчитанным на попутные ветры тонким парусом. К счастью для нас, зимой в Аравийском заливе преобладают дующие со стороны Ирака северные ветры. Стало быть, мы можем рассчитывать на устойчивый попутный ветер до самого острова Бахрейн, а там, заверяли нас все, мы найдем сколько угодно парусных мастеров и кормчих, которые ходят на парусных дау и заменят нам уехавших индийцев.

Несколько больше преуспел Норман в своих планах расширить лопасти рулевых весел. Тут к нам неожиданно пришел на помощь настоящий плотник-профессионал.

Надо сказать, что в эти дни мы жили наподобие зверей в зоопарке. Ежедневно сотни людей, работающих на промышленных объектах, приезжали на автобусах, чтобы поглазеть из-за железной ограды на диковинное судно на берегу Тигра. Если не считать арабов, преобладали русские, немцы из ГДР и ФРГ, поляки, японцы, американцы и скандинавы. Непременным зрителем был Йозеф Чиллих, бригадир плотников западногерманской фирмы «Поленски унд Цёльнер», которая строила близ Амары огромный комбинат для производства бумаги из камыша. Как-то незаметно получилось, что каждую пятницу Чиллих уже трудился вместе с нами. Его умелые руки помогли Норману нарастить досками лопасти рулевых весел, используя клей и деревянные штифты. Но при таких огромных лопастях понадобилось также увеличить веретена. Искусно применяя деревянные накладки, решили и эту задачу; правда, при этом веретена стали в сечении овальными вместо круглых. Творцы этих причудливых деревянных монстров горячо защищали свою необычную продукцию: дескать, ничего, что сечение овальное, ведь весла будут вращаться не в сплошном кольце, а в открытых уключинах. Так или иначе, делать веретена тоньше нельзя было, не уменьшив соответственно площадь лопастей, а это, подчеркивал Норман, свело бы на нет результаты саутгемптонских тестов. И ведь он был прав: для чего было затевать испытания, если пренебрегать их итогами!

К тому же на нас в это время обрушились куда более неотложные заботы. Норман, моя правая рука по всем вопросам рангоута и такелажа, свалился в постель с температурой сорок с хвостиком; второй штурман, Детлеф, тоже заболел; за ним Эйч Пи и остальные члены экипажа. Только мы с Карло остались на ногах, да Юрий, преодолевая недомогание, бегал от кровати к кровати со специальной аптечкой, разработанной для советских космонавтов.

Болезнь не миновала и телеоператоров, и мы не на шутку встревожились. В арабских странах разразилась эпидемия холеры, и она добралась до деревень ниже по реке. Правда, в районе Эль-Курны не был зарегистрирован ни один случай.

И вот в такое время, когда чуть ли не все мои люди были прикованы к постели, хлынули дожди. Настоящие ливни. Совсем как в мифе о Ное. Болотные арабы забились в свои камышовые дома, ожидая, что вот-вот их островки оторвутся от грунта и поплывут. Суглинок в Садах Эдема превратился в липкую грязь. С помощью двух-трех человек я старался накрыть ладью камышом, чтобы защитить ее от воды. С ужасом смотрел я, как набухающие бунты начинают распирают стойки наших замечательных стапелей. Вес корпуса возрос, наверно, не на одну тонну, и стапели грозили развалиться. Мы срочно принялись вколачивать клинья в грунт, укрепляя покосившиеся стойки, а Мухаммед сбегал в Эль-Курну и принес зеленую пластиковую пленку, которой мы накрыли все суденышко. Если не считать этот малопривлекательный материал, наша ладья с двускатной крышей, по которой барабанил дождь, окруженная множеством расплывающихся луж, стала совсем похожа на Ноев ковчег. Мы волновались: как-то выдержат деревянные стапели растущую нагрузку? Выдержали! Тучи ушли, солнце снова озарило Сады Эдема, мы убрали безобразную пленку, и вот уже наш Ноев ковчег опять такой же сухой, как если бы его прибило к горам Араратским.

Пришла пора решать, промазывать или нет золотистую ладью черным асфальтом. Подняв со дна реки две испытываемые связки, мы с ужасом увидели, что они явно отсырели, прежней плавучести нет и в помине. На берегу распилили их примерно посередине и убедились, что они промокли насквозь. Асфальт потрескался. Стало быть, от него никакого проку, только лишний вес добавил.

Я глядел на Гатаэ и его ребят, которые безмолвно созерцали мокрые связки. Их замешательство было равно моему разочарованию. По мнению Гатаэ, единственное объяснение такого исхода заключалось в том, что мы утопили связки на дно, вместо того чтобы оставить их плавать на поверхности. Однако на мои слова о том, что под действием многотонного груза и высокой волны у нашего судна тоже будет заметная осадка, ему не нашлось, что возразить. Он понуро удалился вместе со своей приунывшей бригадой, и я остался наедине с анатомированными связками. Стебли берди в бутылках с питьевой водой в моей комнате вели себя иначе, не говоря уже о тех, что стояли в соленой воде. Может быть, загрязнение Тигра повинно в том, что камыш в реке загнил? Ведь был у меня в Каире такой же точно случай, когда институт папируса испытывал стебли в застойной воде в ванне!

Мы убрали с глаз долой промокшие связки, чтобы не нагоняли тоску, и сосредоточились на подготовке к спуску на воду, пока за одиночными ливнями не последовали затяжные дожди. С того дня, когда я выбирал место для строительства, уровень реки заметно понизился. Тигр питается в основном за счет осадков в Турции, к тому же в Ираке часть его воды идет на орошение, так что летом и осенью, когда на Армянском нагорье не выпадает снег, река заметно усыхает. Но это нас не очень беспокоило. Главным препятствием была прочная, высокая бетонная стена, которую по приказу местных властей успели воздвигнуть на всем отрезке от гостиничной террасы до Адамова древа и дальше за тот короткий срок, что я был в Европе по делам экспедиции. Мэр заверил меня, что стена – не проблема. Где скажем, там и сделают пролом, как только понадобится.

Наша ладья из тугих камышовых бунтов весила примерно тридцать три тонны. Для спуска ее на воду надо было протянуть слип через пролом в новой стене до самой реки. Деревянные стапели, на которых происходила сборка корпуса, останутся на берегу, но днище ладьи лежало на салазках. На них судно съедет в реку и всплывет, а салазки лягут на грунт. Полозьями салазок служили двутавровые стальные балки, скользящие по выемкам в положенных на бок рельсах такого же сечения. Теперь эти рельсы, играющие роль слипа, предстояло нарастить метров на сорок.

Но начинать надо было со стены, а чтобы ломать ее, требовалось разрешение речников. Я живо представил себе, как бумаги ходят вверх и вниз по реке до самого начала дождевого сезона... Нет, лучше идти напрямик. Мы обратились к двум тучным подрядчикам, которые так поспешно воздвигли стену, и предложили им приличное вознаграждение, чтобы они разрушили ее, а потом восстановили.

Наше предложение было принято, и мы дважды ударили по рукам, условившись, что пролом будет готов в полдень накануне спуска на воду. Не уложатся в срок – получают только половину вознаграждения. Они охотно приняли и это условие. В назначенный срок пришли и попросили одолжить наши кирки. Час спустя я увидел, как оба трудяги не спеша удаляются восвояси. Прибежал Шакер и сообщил, что они пошли на попятный: мол, стена слишком твердая. Я догнал их и сказал, что кому же ломать стену, как не им, которые ее построили? Верно, построили, согласились они, а вот ломать не получается – инструмент не тот. Всего доброго.

Тогда я сам вооружился киркомотыгой и атаковал арабскую стену, но только высек из нее искры. Оставалось воздать хвалу датскому цементному заводу; это его продукция позволила замешать бетон, превосходящий твердостью горную породу.

С воспаленными от температуры глазами Норман вскочил с кровати. Отставной командер американских ВМС, в гражданской жизни он был строительным подрядчиком в Нью-Йорке. Вдвоем с Шакером они отправились в деревенскую кузницу, где им выковали кувалду и железные клинья. Тотчас из гостиницы выбрались изможденные лихорадкой члены экипажа и принялись поочередно махать тяжелой кувалдой. Английские и арабские телеоператоры тоже включились в операцию «Иерихон», и стена рухнула, открыв нам просвет нужной ширины.

Путь к реке был свободен. Река впадала в длинный залив, ведущий в Индийский океан – океан, с которым мне еще не доводилось мериться силами. На горизонте вновь собирались дождевые тучи, но в Садах Эдема уже распахнулись настезь ворота в неизведанные приключения, и Ноев ковчег был готов к отплытию.

Глава III

Начинаются затруднения

Время! Флаги подняты.

– Все готово?

– Готово!

– Добро! Поехали!

Хотя мы никого не приглашали, Сады Эдема наводнили зрители, которым не меньше нашего было интересно посмотреть, как камышовый корабль ляжет на воду. Словно мы находились в огромном театре, и в зале стоял гул от множества голосов. Нестройный гомон сменился внезапной тишиной, когда мы налегли на ручки лебедок, которые одолжили, чтобы тащить к Тигру тяжелую ладью.

Тысячи ликующих голосов нарушили тишину, как только камышовый исполин тронулся с места и величественно двинулся по железным рельсам. Рывок за рывком, медленнее черепахи, приближался он к проему в стене, за которым струился поток.

Каждому хотелось видеть получше, и люди набились в мирном Адамовом саду так плотно, что яблоку негде упасть. Иракские полицейские, призванные охранять высоких гостей из Багдада, трудились в поте лица, чтобы сановников, членов экспедиции и рабочих не столкнули под степенно подвигающуюся шумерскую диковину. Реку тоже заполнили арабы и чужестранцы на машхуф, балям, полицейских катерах и моторных лодках.

С великим облегчением смотрел я, как исполин, покинув наши самодельные деревянные стапели, ложится на протянутые до самой воды стальные рельсы, сваренные вместе одним из наших доброжелателей, инженером с бумажного комбината.

На лебединой шее ладьи цвета спелой пшеницы атели кровавые метины: след крестильного обряда. Надо сказать, что этому обряду предшествовала небольшая дискуссия. Болотные арабы доставили к строительной площадке шесть упитанных барашков для жертвоприношения, с тем чтобы я смочил ладони кровью и приложил к носу новорожденного корабля. Я не согласился. «Кон-Тики» крестился молоком южноамериканского кокосового ореха, «Ра I» и «Ра II» крестили молоком берберской козы. Но тут, предложи я крестить судно молоком буйволицы, арабы восприняли бы это как оскорбление. Они признавали только действующий со времен Авраама местный обычай заклания животных. Любое новое сооружение, будь то дом или судно, здесь полагалось метить кровью. И теперь они наотрез отказывались пускать ладью на реку без надлежащего жертвоприношения. Если я не хочу совершить обряд, они сделают это сами, твердо заявил Гатаэ. Даже наш просвещенный багдадский друг Рашад сказал, что не пойдет с нами в плавание, если не будет выполнен принятый ритуал.

Мы пришли к компромиссному решению. Сперва болотные арабы совершат свой обряд, потом состоится крещение судна на мой лад.

Спуск на воду был назначен на 11 ноября. Утром я застал Гатаэ возле корабля. Он стоял в белоснежном бурнусе и метил золотистый нос ладьи отпечатками смоченной в крови последнего барашка правой ладони, а вся его бригада, сидя на земле, весело уписывала жареную баранину, ничуть не скрывая, что для них это самая важная часть ритуала.

К полудню прибыли сановники из Багдада. Они привезли ножницы и белую шелковую ленту, и ответственный представитель Министерства информации привычной рукой перерезал ленту перед носом ладьи. Затем наступила наша очередь. Крестить судно должна была очаровательная внучка Гатаэ. И вот дед ведет за руку одетую в яркое платьице юную черно-волосую леди, с трудом удерживающую арабскую бутылку из тыквы, только что наполненную водой из реки, именем которой мы решили наречь судно. Блестя глазенками, маленькая

Секне окропила камышовый нос ладьи, но заученную формулу забыла, и стоявшие рядом расслышали только, как она пролепетала «Дигле» – так болотные арабы произносят название реки Тигр. Тут уже сам Гатаэ, продолжая держать внучку за руку, взял инициативу на себя и громко возвестил на арабском языке:

– Да спустится сей корабль на воду с дозволения Всевышнего и благословения Пророка, и пусть он зовется «Дигле» – «Тигрис»!

Не успел он договорить, как с юга донеслись глухие раскаты грома. Все повернулись в ту сторону, кто с удивлением, кто с благоговением, точно звуки эти выражали одобрение могущественнейшего из месопотамских богов – бога Солнца, мечущего гром и молнии своим жезлом. От горизонта надвигались черные тучи. Даже наименее суеверные среди нас слегка оторопели, услышав глас громовержца в такую минуту.

Сломался винт в одной из лебедок, его пришлось заменять куском гвоздя, поэтому мы потратили целый час на то, чтобы протащить новонареченного «Тигриси» через пролом в стене до критической точки, где пологий откос сменялся крутым уступом. Сколько мы ни пытались заровнять этот уступ глиной, течение упорно подмывало снизу нашу насыпь, и когда «Тигрис» наполовину повис в воздухе над перегибом, все затаили дыхание. Выдержат ли восемнадцатиметровые бунты камыша и тонкие стальные салазки такую нагрузку?

К нашему облегчению, исполин благополучно перевалил через край уступа и заскользил вниз под напором своих тридцати трех тонн. С громким всплеском он врезался в реку, и тысячная толпа вложила свой восторг в ликующие крики, когда широкая носовая часть ладьи поднялась на воде с легкостью надувной резиновой утки. Лишь корма еще продолжала лежать на суше.

Вот это плавучесть, вот это сила! Я подбежал ближе, чтобы удостовериться, что рабочие крепко держат веревки, не дадут течению унести корпус судна, на котором еще нет ни надстроек, ни рангоута. Однако в ту самую минуту, когда нос корабля возвысился над водой, корма вдруг круто остановилась. Раздался оглушительный треск ломающегося дерева, и я увидел, как стальные балки под широким корпусом изгибаются, будто лапша. Дородный исполин медленно опустился брюхом на берег, словно непокорный бегемот, не желающий входить в воду, и восторги аплодирующих зрителей сменились дружным сетованием и криками отчаяния.

Лежит – и ни с места... Нос спущен на воду, омывается струями Тигра, а окруженная зрителями корма прочно застряла на суше в Садах Эдема. Какие-нибудь метры отделяли ее от воды, и целая армия добровольцев ринулась вперед, чтобы столкнуть ладью на реку. Куда там! Лишь немногие доставали плечом до изогнутой вверх кормы, а ноги тех, кто пробовал упереться в борты, утопали в рыхлой земле и в иле.

Вооружившись лопатами, мы стали подкапываться под ладью, чтобы выявить повреждения и попытаться пропустить воду под кормой. Вариация на тему о пророке и горе: если корабль не идет к реке, пусть река придет к кораблю!

Сановники учтиво попрощались и отбыли под охраной полиции. Вечерело, заморозил дождик, и толпа начала расходиться. Хуже всего было то, что индейцам пришлось накануне вылететь к себе в Боливию, чтобы не просрочить обратные билеты. А отремонтировать без мастеров с Титикаки, если окажется, что бунты и веревки повреждены, нам будет очень непросто... Какие беды натворили обломки стальных и деревянных балок? Чтобы выяснить это, надо было обнажить широкое днище двойного корпуса. Ночь принесла с собой неожиданно холодный ветер. Пришлось бежать за теплой одеждой. Великолепные молнии расписывали ослепительными трещинами черное ночное небо.

Мы работали поочередно немногими наличными лопатами. Английские телеоператоры установили светильники на крыше гостиницы, чтобы нам было виднее, и молодой член их бригады, Дэвид, рассказал мне по секрету, что ему приснился нехороший сон, будто целое

стадо овец поднялось на борт камышовой ладьи и принялось ее пожирать в отместку за убийство своих сородичей. Однако Гатаэ и его товарищи рассуждали иначе: шести барашков мало для такого большого судна, надо было принести в жертву быка!

Только я выслушал эти мрачные комментарии, как рокот мотора и яркий свет фар могучего советского грузовика заставили нас отложить в сторону лопаты. Неожиданный гость перевалил через обломки дерева и покореженное железо в проеме стены и занял исходную позицию, словно намереваясь загнать всех нас в реку. Два плечистых русских водителя выскочили из кабины, и с помощью Юрия мы объяснили им, что пока наша ладья не окунулась в воду, бунты хрупкие, как хрустящий хлебец. Общими усилиями мы пристроили перед высоким капотом толстые камышовые кранцы, нарастив их взятыми со стапелей деревянными балками, чтобы тяжелый грузовик не ушел в воду вместе с кораблем. И не успели мы оглянуться, как без лишних церемоний начался необычный спуск на воду. «Тигрис» стронулся с места и медленно погрузился в кашу разрытого нами ила. Течение унесло щепки и ил, но ладью мы удержали на канатах и пришвартовали к плавучей пристани, которую заблаговременно соорудили из камышовых связок возле гостиничной террасы. В свете фар было видно, что вместе с судном погрузились в воду погнутые рельсы и салазки. Русские водители простились и уехали. Нам оставалось дожидаться утра, чтобы определить характер повреждений. «Тигрис» лежал на воде как-то неровно, вроде бы с левым носовым креном.

Едва рассвело, как мы все уже были на месте. Наша новая ладья выглядела замечательно. Больше и внушительнее, чем любая из обеих «Ра». Борты вздымались высоко над мутной гладью реки, и на них не было видно ни одной ссадины. Однако наши опасения насчет крена подтвердились. При всем искусстве наших мастеров и совершенстве обводов судна в носовой части осадка была чуть больше. Но этот изъян вполне можно было исправить при размещении груза. Кто-то высказал предположение, что крен был вызван быстрым намоканием камыша – ведь нос лег на воду на несколько часов раньше, чем корма. Мы отнесли эту мрачную догадку к разряду нехороших шуток. Другое дело, что сломанные салазки могли распороть бунты в носовой части.

Детлеф и Герман надели защитные очки и нырнули под днище «Тигриса». Прошла целая вечность. Наконец они вышли на берег и доложили: видимость из-за мути нулевая, но ощупью им удалось определить, что в носовой части под бунтами висели поломанные салазки. Не удивительно, что ладья кренилась. Они нащупали также толстый камышовый амортизатор, проложенный между салазками и корпусом, отделили его ножом, после чего стальные и деревянные обломки ушли на дно, и нос ладьи сразу выровнялся. Продолжая обследовать днище, Герман и Детлеф убедились, что все витки веревочной спирали невредимы. «Тигрис» несколько не пострадал. Тысячи хрупких стеблей вместе выиграла поединок с современной сталью – они остались на поверхности, а согнутые балки утонули.

Две связки, распиленные нами после проверки, показали, что теперь загрязнение рек гораздо более опасный враг для камыша, чем сталь, поэтому нам не терпелось поскорее уйти в чистые соленые воды. Однако еще две недели ушли на то, чтобы оснастить и загрузить корабль. Наши арабские помощники собрали на лужайке перед гостиницей две рубки, накрыв бамбуковый каркас красиво переплетенными на местный лад лоснящимися стеблями зеленого болотного тростника кассаб. Низкий сводчатый потолок не позволял выпрямиться в рост – только сидеть. Одна рубка была побольше, три на четыре метра; в ней, потеснившись, могло улечься восемь человек. Вторая, наполовину меньшей площади, была предназначена для трех человек и съемочной аппаратуры.

Готовые рубки перенесли на ладью и привязали к доскам, укрепленным с равными промежутками поперек бунтов корпуса. Главная рубка встала на корме; в обращенных к бортам длинных стенах были небольшие дверные проемы. Рубку поменьше установили впереди; ее дверной проем, площадью в один квадратный метр, смотрел на срединную палубу и

главную рубку. Обе рубки накрыли платформами с низкой оградой из бамбука; получилось что-то вроде террас. При некотором воображении в мире рыбы и волн участок камышовой палубы между двумя золотисто-зелеными хижинами мог сойти за маленькую деревенскую площадь. Ему предстояло быть нашим дневным обиталищем, а рубкам отводилась роль спален и укрытия при ненастной погоде.

Здесь же, на срединной палубе, высилась мачта с живописным парусом. Как и на всех камышовых парусниках Старого и Нового Света, рея подвешивалась на двойной мачте, широко расставленные ноги которой опирались на главные бунты. Вдоль центральной линии, где соприкасаются бунты, для мачты нет опоры. Десятиметровые ясеневые бревна стояли на привязанных к бунтам широких деревянных башмаках, соединенных с бревнами посредством деревянных книц из согнутых под прямым углом суков: маленькая, но важная деталь, заимствованная с древнеегипетских фресок и моделей. В месте соединения бревен вверху, согласно тем же образцам, было просверлено отверстие для фала, поднимающего рею. Скрепляющие бревна перекладыны одновременно служили удобным трапом.

Вся наша жизнь – если не подкачает камыш! – не один месяц должна была вращаться вокруг этого трапа. В просвете между ним и передней рубкой мы укрепили поперек палубы длинный стол и две лавки из связанных веревками, гладко обструганных досок. Позади трапа, в нише метровой глубины, образованной продолжением стен и крыши главной рубки, приютился камбуз с четырьмя примусами и всей нашей посудой.

В последний день мы приняли на борт тонны провианта и питьевой воды. Этот груз был размещен под столом, под лавками, вдоль стен обеих рубок и в протянувшейся от носа до кормы глубокой борозде между двумя бунтами. Одежду и личное имущество, а также киноплёнку и другие уязвимые предметы мы уложили в обмазанные асфальтом коробки, которые в то же время играли роль общих нар в главной рубке.

Для полной готовности оставалось только установить наклонно по бокам кормы два огромных рулевых весла. С пристроенного к задней стене главной рубки деревянного мостика шириной и высотой в один метр рулевым открывался над крышей обзор вперед, правда несколько ограниченный парусом. Крепкие найтовы соединили рулевые весла с палубой и с перилами мостика, а румпель у верхней оконечности веретена позволял вращать весло вокруг оси.

Полный порядок, можно выходить в плавание!

– Отдать швартовы! Парус поднять!

С каким восторгом и облегчением выкрикнул я заветные команды, махая рукой полчищам зрителей, которые опять заполнили Сады Эдема! Только интуиция могла привести их сюда в этот час. После промашки со спуском на воду мы никого не извещали о времени старта, просто говорили, что отчалим, когда все будет готово.

– Парус поднять! – снова крикнул я что было мочи.

Сейчас все решали секунды. Швартовы отданы, мы во власти течения, а парус, от которого зависит управление рулем, еще не поднят. И никакой реакции на мою команду, если не считать тревожные голоса сотен арабов на берегу. Что-то неразборчиво крича, они показывали куда-то вверх. Я поднял голову и на топе мачты, куда должна была вознестись рея, увидел дорогого мексиканского друга Германа. Болтаясь там чуть ли не вниз головой, он запечатлевал великие минуты своей неразлучной кинокамерой. Весьма подвижный, несмотря на грузное телосложение, Герман живо скатился вниз, услышав нечленораздельный вопль, означающий в переводе на более благопристойную речь следующее: «Дорогой Герман, пожалуйста, спускайся возможно быстрее и освободи место для паруса, иначе нам не миновать нового столкновения с берегом и тебя сбросит на землю».

Вмиг Герман и парус поменялись местами. Течение напирало вовсю, но парус наполнился ветром, и мы овладели ситуацией. Норман следил за парусом, Детлеф, скрытый перед-

ней рубкой, ждал команды опустить гуару – деревянный шверт, мы с Карло стояли на мостике у рулевых весел. Я смотрел, как уходит назад берег Садов Эдема вместе с гостиницей, и душа моя радовалась. Замечательный уголок, но нам давно пора выходить в океан. Прощай, Адамово древо! Прощайте, Али, Мухаммед, Гатаэ, Каис, Шакер, Рэмзи и все наши остальные иракские друзья! Уже не видно лиц, только лес махающих рук, но среди соленых волн мы часто будем вас вспоминать.

Ладья набирала скорость. Курсом на противоположный берег Тигра. Мы с Карло повернули громоздкие рулевые весла, и я крикнул Детлефу, чтобы опустил носовую гуару. Ладья превосходно слушалась руля, мы миновали оконечность мыса, где встречаются две реки, и вошли в Шатт-эль-Араб. Позади на зеленой лужайке с кучкой деревьев и пальм осталась гостиница «Сады Эдема», справа от нее поблескивали воды Тигра, а слева показался Евфрат с мостом, через который проходило шоссе на Басру и который не позволил нам строить ладью в краю наших друзей, болотных арабов: мачта «Тигриса» не прошла бы под ним.
– Ур-ра, плывем!

Ликующий голос Нормана свидетельствовал о том, что он бодр и весел, оправился наконец от злой лихорадки. Наши больные только что одолели хворь, но всем не терпелось скорее тронуться в путь, и глаза их горели решимостью и радостным возбуждением. Да и как не радоваться, глядя, как наш парус ловит ветер и гордо выпячивает грудь, что твой петух! Мы впервые видели полностью развернутое полотнище коричневатой египетской парусины, на котором иракский студент-искусствовед Рашад изобразил огромное красное солнце, встающее из-за месопотамской пирамиды кирпичного цвета.

Видно, окаймляющие реку финиковые пальмы просемафорили вест о нашем движении, потому что вдоль берегов выстроились шеренги провожающих. Они кричали и махали нам руками, а впереди из камышовых и кирпичных построек высыпали все новые и новые зрители. Мальчишки и мужчины бежали вдогонку за «Тигрисом», но он легко уходил от них, быстро скользя мимо голых пустошей и пальмовых плантаций. Казалось, весь край осведомлен о нашем предприятии; некоторые люди выкрикивали даже наши имена. У команды было превосходное настроение. За несколько дней мы минуем города и промышленные предприятия в нижнем течении реки и достигнем залива. Нам придали моторную баям с десятью арабами, которые хорошо знали фарватер и должны были провести камышовую ладью среди множества судов и иных современных препятствий на последнем отрезке Шатт-эль-Араба. Но вот баям исчезла впереди за крутым поворотом вправо, и в ту же секунду я заметил, что наш «Тигрис» вышел из подчинения.

Карло – альпинист, и, подобно мне, ему еще не доводилось плавать по рекам. Отстав от лоцманов, которые беспечно мчались впереди, и не зная здешних берегов и мелей, мы решили держаться середины реки. Но в этом месте поток упирался в крутую излучину, притягивавшую течение словно магнитом. Сколько мы ни крутили рулевые весла, как ни маневрировали парусом и гуарой, нас упорно несло боком прямо на берег. Описывая дугу вместе с рекой, мы неуклонно приближались к зеленому дерну. Новые толпы восторженных мальчишек и мужчин поджидали нас здесь, чтобы затеять гонки с «Тигрисом», однако восторг сменился тревогой, и слышались испуганные крики, когда зрители увидели, что камышовый корабль чересчур близко подходит к берегу.

У вершины дуги скорость течения была особенно велика, и нас так прижало, что широкая лопасть левого рулевого весла начала пахать ил. Команда трудилась всюю. Кто не отталкивался от берега шестью бросились помогать Юрию и Карло, чтобы поднять здоровенное весло, на которое легла почти сорокатонная нагрузка: вес судна с грузом. Но весло оказалось слишком тяжелым, к тому же в двух местах его крепко держали найтовы. И хотя вертено равнялось толщиной телеграфному столбу, мы приготовились вот-вот услышать оглушительный треск ломаемого дерева.

До берега оставалось рукой подать, и арабы на бегу пытались оттолкнуть «Тигрис», меж тем как лопасть рулевого весла вспарывала грунт ниже травы. Но ладья плыла так быстро, что наши добровольные помощники не могли как следует упереться в борт. Что от их рук, что от наших шестов было одинаково мало проку. Не одну сотню метров шли мы так вдоль излучины – наподобие мощного самоходного плуга, оборачивая жирный пласт, какому позавидовал бы любой крестьянин. И каждую секунду ждали, что сейчас сломается весло. Однако Норман и помогавший ему опытный плотник поработали на славу. Весло не поддавалось, зато начал прогибаться мостик, к которому оно было привязано. Под устрашающий треск дерева и скрип веревок вся конструкция перекосилась. Мы с Карло приготовились соскочить на палубу, как только лопнут найтовы и мостик, а с ним, глядишь, и вся корма начнет разваливаться. Тем временем лоцманы на моторной баям повернули обратно, и несколько человек из ее команды соскочили на берег, чтобы помочь своим бегущим соотечественникам отталкивать «Тигрису». Но их усилия уже не понадобились – Норман сумел повернуть сложившийся парус, и мы понеслись прочь от левого берега, словно птица, взлетающая с борозды картофельного поля.

Не успели мы облегченно вздохнуть на шатком мостике, как увидели, что с другой стороны к нам стремительно приближается частокол серых пальмовых стволов. Еще немного, и мы очутились бы под сенью бахромчатых листьев, но быстрый маневр парусом и веслами снова направил нас к голому берегу, который мы только что пахали. Вместе с моторной баям мы мотались от одного берега к другому, будто пьяные гуляки, но как ни старались лоцманы вклиниться со своим суденышком между нами и сушей, чтобы сыграть роль амортизатора, почему-то они всякий раз оказывались не с той стороны. А затем баям внезапно развернулась и удалилась вверх по течению. Два часа лоцманы где-то пропадали, наконец вернулись, и мы услышали, что они разыскивали четверых членов команды, которые присоединились к нашим добровольным помощникам на краю излучины.

За это время мы успели освоиться с обстановкой и с нашим новым судном, одинаково бдительно следили за незримой силой, увлекающей «Тигрису» к внешней дуге излучины, и за коварными мелями у внутренней дуги. А вскоре излучины кончились, и Шатт-эль-Араб стал подобен гладкой автостраде. Редкие дома. Никакого движения. Мы шутя обогнали одинокого араба, который шел под потрепанным парусом вниз по течению на связанном наспех камышовом плоту. Здоровенные, непомерно тяжелые рулевые весла «Тигрису» били кувалдами по бортам, и с каждым ударом мостик скрипел и вздрагивал так, что мы хватались за самую прочную часть всей конструкции – крышу рубки.

Следуя за баям, мы миновали стадо черных буйволов на отмелях у Бейт-Вафи – большого селения, где живописные камышовые постройки заметно контрастировали с не менее живописными глинобитными хижинами и домами из самодельного кирпича. В этом районе, как и во времена Авраама, в ходу огромные печи для обжига кирпича. Они высятся над равниной, словно пирамиды, и когда над ними клубится дым от горящего камыша и тростника, их вполне можно принять за конусы действующих вулканов.

Морской прилив дает себя знать за полтораста с лишним километров от залива. Поднимающаяся вода закупоривает устье Шатт-эль-Араба, и река начинает течь в обратную сторону. Под вечер водная гладь вокруг нас уподобилась озеру, и мы попросили лоцманов, пока река не двинулась вспять, показать надежное место для якорной стоянки на ночь. Они посоветовали остановиться у западного берега вблизи деревни Эш-Шафи. Мы подошли туда, свернули парус и отдали два малых якоря. Зная, что якоря не удержат ладью, когда течение переменится, наши опытные сопровождающие воткнули шесты в илистое дно вокруг «Тигрису» – так принято защищать плавучие острова в болотном краю, чтобы их не сносило.

Вечер выдался чудесный. Первый вечер на борту «Тигрису»... Глядя, как багровое солнце скрывается за курящимися печами, мы чувствовали себя так, будто очутились в

Шумере. Да мы и в самом деле приплыли в Шумер. С заходом солнца подул прохладный ветер, и вскоре мы заметили, что течение действительно повернуло вспять. Ребята зажгли керосиновые фонари и устали на реку, словно ожидая, что выброшенные Мухаммедом банки сейчас приплывут обратно из Америки.

За хлопотами на реке мы после старта успели сжевать лишь по несколько крекеров. Теперь Карло раскочегарил примус, мы заняли места на лавках вокруг стола, извлекли миски и вилки из личных мешочков и приготовились воздать должное итальянским макаронам. Эксквизито! Бониссимо! Вундербар! Хорошо! Дейлиг! На Карло сыпалась заслуженная многоязычная похвала. Ребята устали и проголодались. И впервые за много дней у нас появилась возможность перевести дух.

Последние дни царило какое-то безумие. Ни забор, ни сторожа не могли сдерживать толпы любопытных. Мы попытались огородить веревкой участок перед плавучей пристанью, чтобы можно было плотничать и без помех проходить на ладью. Куда там! Каждый раз надо было проталкиваться сквозь толпу, встречая решительный отпор со стороны радушно улыбающихся зрителей. Отовсюду к нам тянулись руки с карандашами и клочками бумаги. Людям явно было невдомек, что автографам будет грош цена, если нам не дадут закончить строительство и экспедиция сорвется. Арабов наши каракули на первых порах не занимали; к тому же большинство из них все равно читало только арабскую вязь. Но, глядя, как русские и японцы домогаются наших росписей, местные жители тоже решили проявить инициативу, пока мы не уплыли. Одного из индейцев буквально силой оторвали от работы, чтобы он изготовил модель камышовой ладьи для немецкого журналиста. С трех русских плотников, вызвавшихся помочь нам с установкой мостика, тоже требовали автографов. Мы расписывались налево и направо. Наиболее шустрые совали нам сразу по дюжине открыток, чтобы порадовать родных и знакомых. Пока не распишешься, не дадут шагу шагнуть. Мы писали на обрывках бумаги и на кусках берды, на пачках из-под сигарет и блокнотах, на газетах, семейных фотографиях, открытках с видами Варшавы и Будапешта, с портретом Ленина, на паспортах, бумажниках, американских долларах, иракских динарах и спичечных коробках. И смех, и горе! Когда мы поднялись на палубу, чтобы отчалить, те, у кого не нашлось ничего бумажного, словно обезумели. Только я стал в надлежащую позу и приготовился произнести несколько прощальных слов, как молодой араб с борцовским торсом взобрался к нам на борт и рванул рубаху на груди, чтобы я расписался у него прямо на теле. Не успели его оттащить в сторону, как другой молодой араб повис на моей руке и принялся вертеть у меня перед носом каким-то клочком, не давая мне говорить. Я выхватил самописку, чтобы отделаться от него, но он только еще больше разбушевался. Не нужен ему мой автограф – он принес счет за пиво, выпитое кем-то из команды уже после того, как мы рассчитались с гостиницей. Я полез в карман за деньгами, стараясь в то же время изрекать что-нибудь вразумительное в возникшие передо мной микрофоны и слыша свой усиленный динамиками голос. Кто-то шепотом уведомил меня, что единственным человеком, кого я, поднимаясь на борт, обошел рукопожатием, был прежний министр информации. Словом, царила такая сумятица и такая смесь языков, какой здесь не знали с времен Вавилонской башни. Надо было отчаливать. С беспорядочно наваленным на палубе грузом можно разобраться и потом, когда останемся одни и будем спокойно идти вниз по тихой реке...

Но только теперь, когда мы стали на якорь и огородились шестами вдали от Садов Эдема, у нас появилась возможность толком отдохнуть и по достоинству оценить потешные стороны двух недель, прошедших от спуска на воду до старта. Только теперь мог я, удобно прислонясь спиной к мачте, с чашкой арабского чая в руке, присмотреться поближе к пестрой братии, которую собрал для предстоящего приключения.

Так... Ну, он-то здесь случайно – русский плотник, который еще крепил последнюю перекладину к мостику, когда мы отдали швартовы. Славный малый. Юрий перевел, что

Дмитрий Кайгородов охотно дойдет с нами до Басры, где находится его место работы. Никто не возражал. Кстати, поможет нам подремонтировать мостик. А пока что плотник забрался в спальный мешок, первоначально предназначенный для индийского кормчего, и улегся спать на крыше рубки.

Рулевые весла не требовали присмотра, и мы впервые могли без помех посидеть вместе в полном составе, все одиннадцать, пока ребята один за другим не начнут заползать в уютные рубки, чтобы как следует выспаться.

За столом на палубе сидели и хорошо знакомые, и совсем новые для меня люди. Возраст, считая и мой, – от двадцати до шестидесяти трех лет. И не менее широкий спектр национальностей и характеров.

Вот мой старый друг Норман Бейкер из США. Жилистый крепыш. Ни капли жира, сплошные мышцы. В зимнем пальто – сублильный на вид, в плавках – богатырь. Впервые наши пути скрестились на Таити двадцать лет назад; он пришел туда под парусом с Гавайских островов, я – на экспедиционном судне с острова Пасхи. Ему под пятьдесят. Офицер запаса американских ВМС, а в своей гражданской жизни – строительный подрядчик в Нью-Йорке. На «Ра I» и «Ра II» был моим старшим помощником. С Норманом на борту я чувствовал себя подлинным Ноем: подвижный, как обезьяна, сильный, как тигр, упрямый, как носорог, обладает волчьим аппетитом и в шторм ревет, как слон.

Рядом с ним – наш дюжий русский медведь, Юрий Сенкевич, сорок лет. Сложен, как борец, миролюбив, как епископ, специалист по космической медицине, а со времени нашей последней встречи он еще стал популярным ведущим Московского телевидения. В обеих экспедициях «Ра» Юрий выполнял обязанности судового врача; постепенно стал завзятым путешественником и ведет еженедельную программу «Клуб кинопутешествий», которую смотрят больше ста миллионов советских телезрителей. Любитель пошутить и посмеяться. Уверяет, что это вошло у него в привычку с тех пор, как он летел в Каир, чтобы участвовать в экспедиции «Ра I», и для храбрости глотнул водки. Ибо в моем письме на имя президента Академии наук СССР я просил подобрать советского врача, наделенного чувством юмора.

Карло Маури из Италии, ему тоже под пятьдесят. Участник обоих трансатлантических плаваний на папирусе. Голубоглазый блондин, что твой северный викинг, а благодаря окладистой бороде его скорее, чем меня, можно было посчитать Ноем. Карло – один из самых прославленных итальянских альпинистов, лазил вверх-вниз по самым крутым и высоким скалам на всех континентах; в ряду моих знакомых никто не висел столько на веревках и не связал столько надежных узлов, сколько он. Человек южного темперамента, Карло мгновенно из кроткого агнца превращается в рыкающего льва, а через минуту, глядишь, уже взялся за перо и воспарил на крылатом Пегасе. Умеет обходиться без еды и без комфорта, но не может жить без веревки в руках. Карло была поручена роль экспедиционного фотографа, и ему же предстояло изощряться в изобретении хитроумнейших найтовов и узлов всякий раз, когда рубке, или книце, или стойке рулевого мостика взбредет на ум исполнить твист.

Детлефа Зойцека из ФРГ я прежде совсем не знал. Двадцать шесть лет – один из самых молодых капитанов западногерманского торгового флота, а сверх того ярый спортсмен, инструктор альпинизма в Берхтесгадене. Мне его рекомендовали немецкие друзья, которых я просил подыскать достойного представителя послегитлеровского общества. Приверженец философского натурализма и высоких идеалов, сторонник мира, противник войны, противник насилия и расизма. Сам без нужды рта не раскроет, но умеет внимательно слушать и от души посмеяться над доброй шуткой.

Герман Карраско, пятьдесят пять лет, промышленник и кинолюбитель из Мексики, следил за тем, чтобы мы не скучали. Вот уж про кого нельзя было сказать: какое тело – такая душа! Казалось, этому тучному усачу самое подходящее занятие – сидеть себе под кактусом, надев на голову сомбреро. Пальцем в небо! Лозунг его личной киноколлекции гласит:

«Весь мир – моя арена». Сидит в нем этакий живчик, который заставляет Германа несколько раз в год бросать свои каучуковые фабрики в Мехико и странствовать по свету. Это он, нырнув под полярный лед, снимал мексиканского исследователя Рамона Браво, когда его тяпнул за ногу белый медведь. Шрам около глаза – памятка о том, как он свалился с дерева в джунглях Калимантана, снимая орангутангов. Герман сталкивался с акулами в Полинезии и в Красном море; его любительская кинокамера повидала все страны мира, и особенно много кадров снято в КНР. Он мечтал пройти с нами на «Ра», да не вышло, и тогда мы так и не познакомились. Зато теперь я знал его хорошо. Мы шагали вместе по жгучим пескам Нубийской пустыни, снимая наскальные изображения судов додинастической эпохи, и шлепали под проливным дождем на лесистых берегах Мексиканского залива, наводя объектив кинокамеры на пирамиды ольмеков и майя и на статуи доколумбовой поры, изображающие бородатых людей. В Гватемале он жил через дверь от меня в гостинице «Европа», когда страшное землетрясение 1976 года разрушило ее, засыпав нас обломками и убив тех, кто занимал соседний номер, и еще двадцать тысяч человек.

Особенно поразил меня Герман, когда я пришел к нему в контору посмотреть его личный музей. Форсировав шумный цех по щиколотку в каучуковой пыли, я поднялся по железной лестнице, пересек активно действующий просторный секретариат и очутился в роскошном кабинете. Здесь за столом с разноцветной батареей телефонных аппаратов сидел мой товарищ по странствиям, и со всех сторон на меня смотрели дорогие картины, скульптуры и резные изделия разных стран и эпох. Следующая лестница привела нас в бар, где моему взору неожиданно предстали оскаленные звериные головы, огромные портреты китайских лидеров, настоящая итальянская гондола, самолетные винты и фонтан в виде кораллового рифа из разнообразных раковин; нажмешь кнопку – вокруг рифа плывут по кругу выполненные в натуральную величину макеты акул и аквалангиста. Старинный телескоп смотрел через отверстие в стене на церковные часы на другом конце Мехико, а поднимешь голову – половина потолка оклеена денежными ассигнациями из всех стран мира, другая половина – всяческими этикетками от спичечных коробок. «Бар» занимал три комнаты, наполненные всевозможными диковинами, и от обилия впечатлений у меня закружилась голова, когда хозяин наконец предложил занять места в гондоле и выпить текилы. А ведь это было только начало!

Не успел я ввинтиться вниз по лестнице обратно в кабинет Германа, как он нажал кнопку в стене за рабочим столом, пониже огромной картины, на которой три упитанных ангела парили в синем небе, словно розовые воздушные шары. Ангелы повернулись вместе с куском стены, и открылось квадратное отверстие наподобие двери в подводной лодке. Я протиснулся в этот лаз, выпрямился и на миг зажмурился, ослепленный ярким светом и образцами мексиканского искусства доколумбовой поры. Действительно музей! Четыре большие комнаты, сплошь уставленные витринами и полками. В строго научном порядке размещены снабженные ярлыками экспонаты: изделия майя, ацтеков, толтеков, микстеков, ольмеков... Дивная керамика всех видов, цветов и размеров. Полчища скульптур от маленьких керамических фигурок до больших каменных статуй. Храмовые рельефы. В особой сокровищнице – золотые поделки, миниатюрная резьба и часть подлинного кодекса с древними письменами. Мне доводилось видеть немало личных музеев, но такого я еще никогда не встречал. Правда, вскоре эти вещи перестали быть личной собственностью Германа: правительственный указ объявил все изделия мексиканского искусства доколумбовых времен государственным достоянием. Четыре студента и один профессор несколько месяцев каталогизировали десятки тысяч экспонатов его коллекции. Но хранителем назначили самого же Германа, и она по-прежнему пребывает в четырех комнатах за картиной с ангелами.

Вот какой человек сидел теперь с нами на борту камышовой лодки. А рядом с ним – еще один новый знакомый, японец Тору Судзуки, специалист по подводным съемкам; возраст –

сорок с хвостиком. О Тору мне было известно лишь то, что он не один год снимал жизнь подводного мира на Большом Барьерном рифе, а в последнее время держал японский ресторанчик где-то в Австралии. Я включил его в состав экспедиции, полагаясь исключительно на рекомендацию своих японских друзей. Японцы – люди гордые, умеющие владеть собой, и я мог не опасаться, что мне подсунут какого-нибудь склочника. Немногословный, улыбочивый атлет и безотказный работяга, Тору прекрасно владел английским. Лучшего выбора я и сам не мог бы сделать.

В этой пестрой компании два скандинава казались близнецами. Оба предложены Валлийским колледжем. Асбьёрн Дамхюс, Дания, двадцать один год. Ханс-Петтер Бён, Норвегия, двадцать два года. Типичные потомки викингов. Могу представить себе, что парни вроде Асбьёрна были среди датчан, которые покорили многие области средневековой Англии и умыкали ошастливленных их вниманием дам, а Эйч Пи вполне мог бы сидеть на верхушке мачты и кричать «земля!», когда ладья Лейфа Эйрикссона подошла к Винланду. Эти друзья постоянно что-нибудь затевали, вместе придумывали самые невероятные розыгрыши. Богатые на выдумку, с техникой на «ты» и настоящие умельцы. Среди бурных волн они чувствовали себя так же непринужденно, как дома в ванне, и обоим не терпелось испытать настоящие приключения, прежде чем снова браться за университетские учебники.

Самый молодой – Рашад Назир Салим: двадцать лет, иракский студент, будущий искусствовед. Худощавый, но крепкий; мозговитый и жадный до знаний, но без твердо устоявшихся взглядов. Страстный арабский патриот, но добродушный и ни капельки не агрессивный. Прибыв с рекомендательным письмом в гостиницу «Сады Эдема», он на безупречном английском языке застенчиво рассказал, что отец прежде был дипломатом в Европе и возил его с собой, но затем дипломат превратился в одного из самых известных живописцев Багдада, и Рашад мечтал пойти по его стопам.

На полголовы выше всех сидящих за столом – одиннадцатый член экипажа, Норрис Брок, США. Профессиональный кинооператор; возраст – сорок лет. Высокий, худой и на диво подвижный. С ним я тоже не был знаком. И не я его выбирал. Вплоть до нашей первой встречи он был для меня лишь обязательным параграфом в контракте с консорциумом, который одолжил мне средства на экспедицию. Норрис мало говорил, зато все видел. Он был вездесущ со своим неразлучным «младенцем» – специализированной синхронной кинокамерой с длинным микрофоном наверху, похожим на детскую бутылочку. Он нянчил свою камеру, взобравшись на макушку мачты; с нею же, нажав спуск, прыгал в воду с крыши главной рубки. Пока я не узнал поближе Норриса и его таланты, я предполагал, что Национальное географическое общество США выбрало его за рост. Ему ведь было предписано снимать нас, даже если мы станем тонуть. Что ж, его голова еще будет торчать над водой, когда мы все успеем захлебнуться... Поначалу трудно было привыкнуть к тому, что камера Норриса всюду сует свой нос, следя за всем, что мы делаем и говорим, и ребята не раз подходили и спрашивали меня, что за человек этот долговязый оператор. А я и сам не знал, что он за человек. Слышал, что годом раньше Норрис Брок с таким же заданием участвовал в экспедиции на двойном каноэ из стекловолокна, которое прошло маршрутом древних полинезийцев от Гавайских островов до Таити. Другие операторы снимали с сопровождающего парусно-моторного кеча, но долговязый Норрис всю дорогу ютился вместе с экипажем каноэ, обеспечивая крупный план. Плавание прошло без особых происшествий, если не считать бурного психологического конфликта между полинезийской командой и чужеземными руководителями эксперимента. Никто не скрывал, что от Норриса ждут кадры, отражающие еще более бурные стычки среди смешанной команды «Тигриса». Вышеупомянутый психологический конфликт стал главным стержнем готового фильма о смелом переходе на двойном каноэ, и поскольку паруса и волны могут занимать зрителя от силы несколько минут,

нашему одиннадцатому члену экспедиции, конечно же, было велено не прозевать минуту, когда мы схватимся на кулаках.

Я объяснял ребятам, как снова и снова твердил участникам предыдущих океанских плаваний на малых судах, что существует так называемый «экспедиционит», что для людей, подолгу обитающих в тесной рубке, он опаснее любого урагана и мы непременно увидим его акулю пасть, если не будем настороже и не сумеем себя сдерживать, как бы ни хотелось наорать на соседа за то, что он забыл в твоей постели рыболовный крючок или справляет нужду с наветренной стороны.

Ребята слушали меня внимательно, и я даже начал подумывать, что вездесущий «младенец» Норриса может оказаться самым эффективным и желанным для руководителя средством против «экспедиционита». А впрочем... Ведь этого самого «сосунка» американец таскал с собой в полинезийской экспедиции и привез такие кадры... Вот и Карло уже ворчит, потому что Норрис знай себе кино снимает, тогда как он, Карло, кроме фотографирования обязан варить макароны и кантовать груз.

Улучив минуту, когда мы с Норрисом очутились с глазу на глаз, я сказал ему, что он, конечно, вправе вести себя на борту как пассажир. Но для него же будет лучше не чувствовать себя посторонним, а наравне со всеми нести рулевую вахту, дежурить на камбузе и выполнять прочие повседневные дела. Надо снимать – в любую минуту подменим. Норрис ответил, что и сам хотел просить меня об этом. Хотел стать членом нашего товарищества. И он стал им.

Три дня стояли мы на якоре у камышей, ремонтируя и укрепляя мостик крепкими узлами и дополнительными перекладинами. Двое ребят побывали на берегу и купили толстые буйволодые кожи; кусками этих кож мы защитили бунты в тех местах, где об них терлись весла и якорные канаты. Кроме того, мы приступили к сооружению двух маленьких забортных уборных по обе стороны кормы, обшивая их приобретенными у болотных арабов плетеными матами чола.

Мы любовались восходом солнца и огромной южной луной, но по ночам дул холодный северный ветер, пришлось даже завесить парусиной с наветренной стороны тростниковую стену, сквозь щели которой вполне можно было наблюдать звезды. Дневная температура воздуха понизилась до семнадцати градусов.

Вечером третьего дня мы подняли парус и пошли дальше вниз по реке. Норман пожертвовал одним гребным веслом и вместе с русским плотником попытался нарастить овальные веретена рулевых весел, сделать их круглыми в местах соприкосновения с уключинами. Не вышло. Тогда они попробовали стесать мешающие горбы. Все равно рулевые весла заедало, и эти два чудовища по-прежнему грозили развалить мостик при поворотах, когда на лопасти ложилась большая нагрузка. Мы с Юрием и Карло принялись критиковать усовершенствования Нормана, Норман защищался, но дискуссия сразу прекратилась, едва мы увидели торчащую над передней рубкой голову Норриса и услышали, что в самой рубке словно младенец икает: там заработал рекордер, включаемый дистанционно крохотным устройством, которое лежало в заднем кармане нашего кинооператора. Решили снести рулевые весла на берег, как только где-нибудь причалим, и постараться вернуть им первоначальные очертания.

Ладья развила хороший ход, около трех узлов, и с заходом солнца мы собрались при свете керосинового фонаря за столом, где нас ждал приготовленный Рашадом арабский плов с изюмом и луком. Внезапно рулевые крикнули с мостика, что на реке впереди полыхает пламя. Мы взобрались кто на стол, кто на рубки, а Норрис в два счета очутился на верхушке мачты. И правда, справа три длинных языка пламени, вырываясь из высоких газовых труб, стелились в темноте над рекой. Оберегая от огня свою камышовую ладью, мы прижались к другому берегу. Картина была живописная и драматическая. Могучее пламя так и норовило дотянуться до «Тигриса», озаря ярким светом парус, рубки и наши лица. Даже пальмы на

левом берегу были освещены. Миновав эту опасность, мы вскоре заметили на том же правом берегу свободную бетонную пристань. Балям с нашими лоцманами причалила первой и сыграла роль привального бруса для «Тигриса».

Норман вдруг опять свалился на два дня с высокой температурой. Да и Юрий признался мне по секрету, что у него сильно колет в груди.

С восходом солнца мы рассмотрели огромный промышленный комплекс, которому принадлежала пристань. Работающие на комплексе европейские инженеры включили подъемный кран и помогли нам перенести на берег наши исполинские рулевые весла. Мы уменьшили на одну треть площадь лопастей, а Дмитрий обтесал своим русским топором веретена, намного облегчив их и вернув им почти круглую форму. Радушные инженеры из Швейцарии и ФРГ накормили нас и завтраком, и обедом. Они руководили строительством большого бумажного комбината, первая очередь которого уже вступила в действие. Вместе с другим комбинатом, строящимся выше по реке, это предприятие было призвано обеспечить бумажной безлесный Ирак. Бумажную массу делали из заготовленного на болотах тростника и камыша. Особенно подходил для этого кассаб, и его сплавливали по реке до комбината в виде огромных плотов – гаре. На обширной площадке рядом с комбинатом лежали тысячи тонн камыша, ожидающего превращения в бумажную массу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.